

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М. В. ЛОМОНОСОВА

Философский факультет
Кафедра онтологии и теории познания

Меньшикова Мария Александровна

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
БАКАЛАВРА

Концептуальные и социальные структуры
диалектического материализма как философской
дисциплины в СССР

Научный руководитель:
кандидат философских наук, доцент
Гавриленко Станислав Михайлович

Научный консультант:
кандидат социологических наук
Бикбов Александр Тахирович

Москва
2016

Содержание:

Введение.....	3
Глава 1. Методология исследования.....	6
§ 1. Предпосылки и установки исследования.....	6
§ 2. Специфика поля науки.....	10
Глава 2. Интеллектуальная драма раннесоветского диалектического материализма: две дискуссии 1920-х годов и их последствия.....	16
§ 1. Установление монополии деборинской версии диалектического материализма после дискуссии с механистами.....	16
§ 2. Установление новой монополярной версии к 1930 году: высшая степень гетерономии диалектического материализма.....	29
Глава 3. Интеллектуальные коллизии в позднесоветском диалектическом материализме.....	49
§ 1. Попытки разрыва с ортодоксией: случай Ильенкова.....	49
§ 2. Эволюция ортодоксии и позиции её авторов.....	67
Заключение.....	76
Список литературы.....	78

Введение.

Диалектический материализм – стержневая философская дисциплина в советской философии, наряду с историческим материализмом, которая начала складываться в 1920-е годы и влияние которой современная философия в России испытывает до сих пор¹. В настоящей работе диалектический материализм советского периода будет исследован с точки зрения социальной эпистемологии (или социологии знания) в версии, разработанной П. Бурдые.

Такой подход предполагает анализ концептуальных и социальных структур научной дисциплины. Они рассматриваются не как два вида сущего, между которыми можно установить некоторые соотношения, формы взаимовлияния и так далее. Социальные и концептуальные структуры рассматриваются неслиянно и нераздельно как констелляция.

Структуры – понятие, отсылающее к комплексу различий как в концепциях, так и в профессиональных биографиях, карьерах философов, реализующихся в неравенствах в поле профессиональных практик. Это содержательные различия философских высказываний у разных авторов, различия биографических траекторий философов и их позиций в философском поле, различия профессиональных ставок и методов борьбы за завоевание господствующей позиции в философском поле.

В соответствии с таким пониманием социальных и концептуальных структур дисциплины объектом настоящего исследования являются тексты по диалектическому материализму в советской философии и биографии их авторов, предметом исследования – развитие диалектического материализма через борьбу различных версий ортодоксии, которая понимается одновременно как социальная и концептуальная борьба представителей философского поля. Понятие ортодоксии, по Бурдые, связано с идеологической функцией господствующего дискурса, которые стремится

¹ Подробнее о современном влиянии см.: Меньшикова М. Советские тексты в учебном обороте / Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы научной конференции 2-4 октября 2014 г. / Общая ред. В. В. Миронов, ред. и сост. А. П. Козырев, П. Н. Костылев, А. В. Никандров. М.: Издательство Московского университета, 2015.

«навязать восприятие установленного порядка как естественного (ортодоксия) посредством замаскированного внушения (а потому не замечаемого как таковое) систем классификации и ментальных структур, объективно подогнанных к социальным структурам»².

Ограниченность исследования обусловлена тем, что оно не предполагает тотальной реконструкции (содержательной, хронологической, персональной) диалектического материализма как философской дисциплины на протяжении всего советского периода. Методология определяется поиском концептуальных и социальных различий, что вместе с тем не отменяет анализа найденных сходств в концепциях и биографиях философов, и исходит из предположения, что диалектический материализм 1950-1980-х годов сложился как реакция на методы борьбы в двух дискуссиях 1920-1930-х годов и что ортодоксия диалектического материализма после разрыва с её сталинской версией развивалась как корректировка сложившейся после 1953-1956 года ортодоксии. Раннесоветский и сталинский период в развитии диалектического материализма находится в центре исследовательского внимания именно по причине его определяющей роли для понимания того, как был устроен послесталинский диалектический материализм как дисциплина. Цель работы – реконструкция развития диалектического материализма при принятии названного допущения.

Задачами для достижения этой цели являются анализ концепций и биографий философов, специализировавшихся в диалектическом материализме и занимавших ведущие позиции в философском поле или претендовавших на их занятие, методов и ставок этих философов в профессиональной борьбе в 1920-1980-е годы; связанный с этим анализ специфики советского философского поля: как складывалась ортодоксия диалектического материализма, как происходила канонизация определённых

² Бурдые П. О символической власти / Социология социального пространства: пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. Спб.: Алетейя, 2016. С. 94.

фигур и текстов, с помощью каких механизмов происходила легитимация определённых типов философского высказывания.

Глава 1. Методология исследования.

§1. Предпосылки и установки исследования.

Прежде чем приступить к изложению результатов работы, необходимо описать методологию исследования. Основу методологии коллективного исследования³, в котором принимает участие автор, составляет социология знания (или социальная эпистемология), разработанная французским социологом П. Бурдьё. Она предполагает объективацию условий философского производства, ставит под сомнение способность философии отрефлексировать собственные социальные основания и дать адекватное полное самописание, производит отказ от интеллектуалистской реконструкции состояния философского поля. Бурдьё предлагает анализ особой логики философского поля, диспозиций и верований, социально признанных как философские, объективацию философской игры через радикальное сомнение – сам по себе философский жест⁴.

Такой подход не предполагает редуционистского анализа настоящего и прошлого философии, как это было, например, при вульгарном применении принципа партийности в некоторых советских текстах 1930-1950-х годов. Методология Бурдьё вводит новое измерение в анализ философии – социальные условия, имеющие свою историю, поскольку «“Чистый” универсум самой “чистой” науки является таким же социальным полем, как и любое другое, со свойственным ему соотношением сил и монополиями, борьбой и стратегиями, интересами и прибылями...»⁵. Эта история важна не только сама по себе – она открывает новый горизонт понимания концептуального развития советской философии⁶.

Бурдьё, отказавшись от философского интеллектуализма, схоластической ситуации как «места социальной невесомости», ставит философские вопросы,

³ Руководитель – А. Т. Бикбов, постоянные участники – В. Гусейнова, М. Дубовик, Г. Коновалов, А. Пртавян, Е. Соколов.

⁴ Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. Seuil, 1997. P. 37.

⁵ Бурдьё П. Поле науки / Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. перевода, сост. Н. А. Шматко. Спб.: Алетейя, 2014. С. 473-474.

⁶ На протяжении всего текста я не делаю различия между «советской философией» и «философией советского периода».

которые сама философия себе не задавала⁷. В терминологии Бурдьё «схоластический» отсылает не к средневековой философии, а к «школьному» способу мышления, мышлению в рамках определённой школы как типа институции, что предполагает согласие с принятыми в ней классификациями как с очевидными, несомненными, «естественными». Установка Бурдьё означает, что концептуальное содержание философских концепций, их различия не объясняется само через себя в духе герменевтики, истории идей или подобных способов работы – они анализируются в соотнесении с социальным происхождением философов, их позициями в академической иерархии. Философия, как и любой продукт интеллектуального производства, претендует на внеисторичность и отсутствие социальной обусловленности, забывает об условиях самой схоластической позы, из которой она производится⁸. Бурдьё предлагает своего рода новую «критику чистого разума», в которой сам «чистый» – а точнее схоластический – разум наделяется определённой позицией в поле и социальной траекторией и тем самым заново очерчивает собственные границы⁹. Предлагаемая критика раскрывает условия возможности того, что кажется очевидным и естественным, и ставит под вопрос саму философскую игру, в которой «если и есть истина, то она в том, что истина – это ставка в борьбе»¹⁰. Причём эта борьба не должна пониматься исключительно как борьба идей. Бурдьё пишет, что научные практики направлены на достижение двойственных целей: престиж, признание, известность и так далее¹¹, которые лежат не только в плоскости поиска научной истины, но и в карьерной плоскости: это стремление сделать себе имя, к тому, чтобы быть признанным как первооткрыватель некоторой научной истины другими участниками поля науки. В этом смысле научный интерес всегда двойствен.

⁷ Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. P. 9, 13, 21.

⁸ Ibid. P. 23.

⁹ Ibid. P. 9-10.

¹⁰ Ibid. P. 33, 36, 137.

¹¹ Бурдьё П. Поле науки. С. 475.

Методология Бурдьё предполагает, что между социальными и концептуальными характеристиками участников поля нельзя провести строгих границ: производимые ими концептуальные различия могут конвертироваться в социальные и наоборот. Недостаточно сказать, что знание социально детерминировано: Бурдьё предлагает более сильный тезис, что структуры познания выступают как практические схемы¹², само знание выступает как форма социального порядка. Концептуальные структуры оказываются одновременно и социальными структурами, а социальный порядок представляется в самом мышлении этого порядка¹³. Как пишет Бурдьё, «Сами структуры мира представлены в схемах мышления агентов,»¹⁴ то есть участников поля, из чего следует, что их можно объективировать и познать.

Традиционная историко-философская реконструкция исходит из предпосылки индивидуального авторства теории, в то время как бурдьёвистская методология предполагает анализ коллективных убеждений и верований философов, условий производства философского высказывания в связке с институциональной позицией¹⁵.

Один из главных методов работы, предложенных Бурдьё в исследовании философии, – это анализ биографий философов. Он построен на соотнесении различий в философских суждениях с различиями в биографических траекториях. Биографическая траектория агента поля понимается как «серия положений, последовательно занимаемых одним и тем же агентом (или даже группой агентов) в меняющемся, подчиненном нескончаемым трансформациям пространстве»¹⁶, описание которого – необходимое условие для описания отдельной биографической траектории.

¹² Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. P. 207.

¹³ Ibid. P. 95.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ Бикбов А. Как нужно изучать российскую и советскую философию, чтобы не умереть от скуки? // Финиковый компот. 2015. № 9. С. 64-65.

¹⁶ Бурдьё П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1. С. 80.

Пример работы, предполагающей как глубокое знание философские концепций, так и социального контекста – «Политическая онтология Мартина Хайдеггера», где Бурдые исследовал «фундаментальную онтологию» философа не в ракурсе спора с неокантианцами или влияния на него идей Гуссерля, как это предлагает традиционное историко-философское описание. Бурдые предложил двойное – одновременно философское и политическое – прочтение «двусмысленных» текстов Хайдеггера¹⁷.

Бурдые сопоставлял биографии Хайдеггера и Кассирера и анализировал различия их культурных капиталов, сопоставлял тексты Хайдеггера и правых немецких публицистов, изучал, как в претендующую на вневременность хайдеггеровскую философию вошло то, что можно обобщённо назвать духом времени. Биография Хайдеггера дана в контексте кризиса университетского поля и снижения социального статуса немецкой профессуры, показано, как видение социального мира, политические настроения университетской среды сублимируются в хайдеггеровском философском высказывании, чтобы сделать их не узанными, поскольку правила работы в философском поле предполагают разрыв между культурой и политикой.

В центре биографического анализа может быть не только отдельная фигура, но и группа философов. Французский социолог Ш. Сулье показал, что склонность студентов-философов заниматься одним философом и не заниматься другим зависит от различий в биографиях самих студентов, от того культурного капитала, которым они располагают, а также от условий, которые создаёт сама философская институция, с которой молодые специалисты связывают своё будущее. Так, темы, которыми они занимаются, их предпочтения в выборе философа или философской дисциплины значительно определяются конкурсом на звание агреже, от которого зависит дальнейшее трудоустройство на преподавательскую должность¹⁸. Поскольку для успешного прохождения конкурса необходимо знать классику истории

¹⁷ Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с франц. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. М.: Практис, 2003. С. 17.

¹⁸ Сулье Ш. Анатомия философского вкуса // Логос. 2004. № 3-4. С. 131-135.

философии, значительная часть студентов выбирают тему для специализации из историко-философского канона.

§2. Специфика поля науки.

Бурдьё определяет поле науки следующим образом: «Поле науки как система объективных отношений между достигнутыми (в предшествующей борьбе) позициями является местом (т. е. игровым пространством) конкурентной борьбы, специфической ставкой в которой является монополия на научный авторитет, определяемый как техническая способность и – одновременно – как социальная власть, или, если угодно, монополия на научную компетенцию, понимаемую как социально признанная за определенным индивидом способность легитимно (т. е. полномочно и авторитетно) говорить и действовать от имени науки»¹⁹.

Поле структурируется классификациями – казалось бы, продуктом интеллектуальной работы, не имеющим прямого выхода в эмпирический мир. Теоретическая классификация производится из определённой позиции, положения в социальном пространстве. Действенность классификации, то есть производимые ею эффекты, определяется позицией, из которой она была произведена, и обладатели разных позиций в поле обладают неравными возможностями производить такие эффекты. Бурдьё уточняет классовый принцип Маркса, что господствующие мысли есть мысли господствующего класса²⁰: «Изобретённые способы мыслить универсально на практике кем-то монополизированы»²¹. Иначе говоря, частная точка зрения навязывается как универсальная²². Наиболее легитимные принципы философской работы, классификации и оппозиции, как замечает Бурдьё, скрывают своё историческое происхождение, заставляют социальные механизмы

¹⁹ Бурдьё П. Поле науки. С. 474.

²⁰ Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Сочинения. В 50 т. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. С. 45-46.

²¹ Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. P. 90.

²² Ibid. P. 205.

действовать в неузнанном и эвфемизированном виде²³. Отсюда главная ставка в борьбе – место универсального разума, в случае философии – это место главного философа. Эту борьбу нельзя трактовать ни как исключительно интеллектуальную, ни как только политическую²⁴. Поле науки – «место политической борьбы за научное доминирование»²⁵, в котором учёный решает одновременно научные и политически проблемы, придерживаясь определённых одновременно политических и научных стратегий.

Социальное пространство выступает основанием соперничества точек зрения, принадлежащих антагонистическим позициям и борющихся за то, сделать свою частную точку зрения универсальной и господствующей²⁶. Поле – это в первую очередь поле неравенств, в котором концептуальные различия объективированы в социальных структурах: некоторые позиции являются редкими (и выгодными) в силу неравного распределения капитала, и структура поля может благоприятствовать или сохранению, или разрушению редких позиций²⁷. Методология Бурдьё предлагает рассматривать концептуальные революции, будь то революция в философии Хайдеггера или какая-либо другая, через их неотделимость от революций в социальном пространстве, в котором существуют философы, поскольку «носителями понятий или теорий всегда выступают агенты или институции: учителя, школы, дисциплины и т. д., которые погружены в социальные связи»²⁸.

Любой участник поля обладает двойственным интересом. Сам по себе научный интерес, как пишет Бурдьё, кажется незаинтересованным только в сравнении с обычными интересами: денег, власти²⁹. Конкуренция в поле устроена таким образом, что социальный интерес, например, желание признания, конвертируется в «интерес познания» – «чистую любовь к истине,

²³ Бурдьё П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996. С. 8-18.

²⁴ Бурдьё П. Поле науки. С. 476.

²⁵ Там же. С. 478.

²⁶ Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. P. 205, 216.

²⁷ Ibid. P. 215.

²⁸ Бурдьё П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. С. 57.

²⁹ Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. P. 129.

которой логика поля, функционирующего как инстанция цензуры и принцип сублимации, приписывает свои легитимные цели и легитимные способы их достижения»³⁰.

Бурдьё подчёркивает, что невозможно разделить интерес на внутренний и внешний, то есть на то, что кажется важным отдельному учёному, а что считают важным его коллеги³¹. Такое положение дел предполагает отказ оппозиции внутреннего и внешнего анализа поля и одновременное рассмотрение политических и научных проблем и стратегий учёных³².

Поле науки у Бурдьё имеет свою историю. Это означает, что каждый участник должен соотноситься с уже существующим порядком распределения капитала. Он наследует теоретические предпосылки, способы работы, классификации и так далее в стремлении занять одну из существующих в поле позиций или разрывает с ними, создавая новую позицию.

Историческая реконструкция диамата предполагает восстановление генеалогии понятий, классификаций и проблематики, а также стёртой истории этих структур, то есть истории, не представленной в результирующем состоянии философской дисциплины. Схоластический философский разум предполагает избирательное забвение истории или её отрицание, иллюзию видения наук так, как они сами себя не видят, вера в собственную способность обосновывать теоретически и не быть при этом обоснованным исторически, а также отказ от объективации объективирующего субъекта³³. Это влечёт некритическое принятие правил игры, философского духа: канонических авторов и текстов в учебных программах, исторических дискуссий, великих оппозиций и концептов³⁴. При этом не предполагается, что участники игры задаются историческими вопросами: кто принял канон и как известные книги стали каноническими³⁵. Объективировать объективирующего субъекта –

³⁰ Бурдьё П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу / Бурдьё П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. перевода, сост. Н. А. Шматко. Спб.: Алетейя, 2014. С. 520.

³¹ Бурдьё П. Поле науки. С. 476.

³² Там же. С. 478.

³³ Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. P. 39.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. P. 56.

значит провести более тонкую работу, чем это предполагает «классовый принцип», упускающий специфические интересы участников определённого поля и не проводящий необходимых опосредований³⁶.

Бурдые объясняет отказ от историзации привычками мыслить, ритуализированных в практике, а также интересами, связанными с занятием и удержанием социальной позиции³⁷. Исторический анализ диамата способен объяснить условия возможности производства тех или иных концептуальных различий. Для того, чтобы показать границы мыслимого и немислимого, необходимо обратиться к истории диамата как философской дисциплины. Объективация истории поля как «эпистемического бессознательного»³⁸ дисциплины – структур поля и соответствующих им схем мышления и действия – ставит под сомнение «естественность» концептуального порядка: понятия, оппозиции, классификации, натурализованные на разных этапах истории дисциплины, они ставятся в зависимость от социального порядка – доминирующих позиций в поле.

Историзация дисциплины предполагает историзацию субъекта познания. Бурдые объясняет это тем, что сами объекты исследования, сконструированные наукой, содержат социальные условия возможности субъекта исследования³⁹. Поэтому чтобы понять, как стал возможен какой-либо субъект познания, нужно обратиться к истории поля. Субъект познания – результат исторического развития поля, принятых в нём теорий, концептов, различий, классификаций и соответствующих им социальных позиций. В уже упомянутой «Политической онтологии...» Бурдые вернул Хайдеггера в исторический контекст вместе с его аисторическим сочинением «Бытие и время».

Сущностная характеристика любого поля – его автономия от других полей: поле науки относительно независимо от поля литературы, поле литературы –

³⁶ Бурдые П. Объективировать объективирующего субъекта / Бурдые П. Начала. Choses dites: Пер с фр. Шматко Н. А. / М.: Socio-Logos, 1994. С. 142.

³⁷ Ibid. P. 55.

³⁸ Ibid. P. 117.

³⁹ Ibid. P. 139-140.

от бюрократического поля и так далее. У каждого поля есть специфические законы функционирования, которые не присущи другим полям, и в этом Бурдые спорит с представителями «сильной программы» в социологии знания⁴⁰. Автономия философского поля выражается в том, что философия формулирует собственные проблемы и объекты рефлексии, систематически трансформирует любое намерение что-либо выразить на философский язык⁴¹. При этом философы чаще вынуждены отстаивать собственную автономию, чем принимать её как должное: «начиная с конца XIX века ее [философии – М. М.] претензии на интеллектуальное господство поставлены под угрозу развитием естественных наук, несущих в себе собственную рефлексию, и возникновением социальных наук, стремящихся присвоить себе традиционные объекты философского мышления»⁴².

Определение поля Бурдые требует уточнения при применении к материалу советской философии. В последующих главах в отношении к советской философии понятие поле будет употребляться в уточнённом смысле – не как автономное, а как гетерономное поле. Действительно, советское философское поле не является полем в собственном смысле слова, поскольку неустранимые правила философской игры задавались извне: философы выступали в печати на государственно-партийную тематику, политики участвовали в философских дискуссиях, принимали кадровые решения, участвовали в определении целей и даже способов философской работы, а философы в свою очередь рассматривали признание со стороны политических институтов как одну из ставок в собственно философской борьбе.

Бурдые не предполагает, что автономное поле абсолютно независимо от социальных заказов – социального произвола, противостоящего универсальному разуму, даже если агенты поля открыто заявляют об отказе их обслуживать⁴³. Советские философы, признаваясь в этом или нет, выполняли

⁴⁰ Бурдые П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу. С. 519-520.

⁴¹ Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера. С. 84.

⁴² Там же. С. 85-86.

⁴³ Бурдые П. Поле науки. С. 500.

социальный заказ, и не это делает советскую философию гетерономной. Не будет преувеличением отметить, что такая составная часть научной борьбы в автономном поле, как определение целей самой борьбы⁴⁴, в случае гетерономной советской философии была присвоена политическими институтами.

⁴⁴ Там же. С. 480.

Глава 2. Интеллектуальная драма раннесоветского диалектического материализма: две дискуссии 1920-х годов и их последствия.

§1. Установление монополии деборинской версии диалектического материализма после дискуссии с механистами.

Две дискуссии 1920-1930-х годов позволяют понять, как поле советской философии, если когда-то и было автономным, стало гетерономным и поэтому перестало быть полем в смысле Бурдьё.

Первая дискуссия – дискуссия механистов и диалектиков: она начиналась в логике автономного поля, но завершилась принудительным установлением одной господствующей, единственно верной философской позиции. Следующая дискуссия продолжила ту же антиавтономистскую логику – по сути, логику революционного трибунала. Оружие победителей в первой дискуссии было направлено против них же их новыми соперниками в академической борьбе.

Обе дискуссии номинально проходили как дискуссии по важнейшим вопросам диалектического материализма. Описание концептуальных различий участников обсуждений – необходимое, но не достаточное условие для адекватного понимания действительного смысла происходящего. Интеллектуальные причины возникших разногласий, как это ни странно, не являются ключевыми для объяснения логики именно гетерономного пространства советской философии – это было бы более адекватно, будь советская философия автономным полем в смысле Бурдьё.

Дискуссия между диалектиками и механистами завершилась победой первых, и данное обстоятельство является ключевым для реконструкции дальнейшего развития диалектического материализма в СССР, хотя нельзя отрицать, что ход дискуссии, аргументация сторон по ключевым вопросам диалектического материализма и соотношения материалистической диалектики и естествознания интересны сами по себе. Ответы на вопросы: какими средствами была достигнута победа диалектиков, возглавляемых

академиком А. Дебориным, и какие последствия она имела – помогают объяснить дальнейшее развитие гетерономии в советской философии.

На стороне диалектиков выступили: А. Деборин – глава школы диалектиков, Я. Стэн, М. Левин (генетик), Н. Карев, И. Луппол, П. Сапожников, А. Вайнштейн, Г. Дмитриев, А. Максимов, К. Милонов, Г. Баммель, В. Егоршин, А. Троицкий. На стороне механистов: И. Скворцов-Степанов, Л. Аксельрод (Ортодокс), А. Тимирязев, А. Варьяш, С. Перов (химик), А. Богданов (врач), В. Сережников.

Ключевым вопросом дискуссии была роль диалектического метода в естествознании. Именно с него началась дискуссия между механистом И. Скворцовым-Степановым⁴⁵ и диалектиком Я. Стэном. Как пишет исследователь советской философии И. Яхот, Стэн упрекнул Степанова в принижении роли диалектического метода в современном естествознании⁴⁶. Другими точками несогласия между диалектиками и механистами были вопросы о методе «сводимости» сложных явлений к более простым⁴⁷ и о соотношении количества и качества: как происходят качественные скачки в развитии материи от низших форм к высшим⁴⁸.

По мнению Стэна, Степанов принижает теоретическая роль и ценность диалектики в естественнонаучных исследованиях. Механицистская установка Степанова, как это представлялось диалектикам, отсылает к механическому материализму XVII-XVIII веков, в то время как установка деборинцев – к марксистской интерпретации гегелевской диалектики⁴⁹. Не возымели действия указания Степанова на то, что между современным механицизмом и механицизмом XVII-XVIII веков, критикуемым Энгельсом, есть огромная разница.

⁴⁵ Скворцов-Степанов так же подписывался одинарной фамилией Степанов.

⁴⁶ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 56.

⁴⁷ Алексеев П. Дискуссия с механистами по проблеме взаимосвязи философии и естествознания // Вопросы философии. 1966. № 4. С. 46.

⁴⁸ Там же. С. 48.

⁴⁹ О роли генеалогии в выстраивании программ диалектического материализма будет сказано так же во втором параграфе данной главы.

Механисты принадлежали к позитивистскому крылу марксистской мысли: Степанов, как пишет П. Алексеев, отождествлял философский материализм и естествознание (его выводы и методы), тем самым упраздня самостоятельную роль марксистской философии⁵⁰. На стороне механистов стояли многие естествоиспытатели. Борьба с позитивистской интерпретацией для деборинцев означала борьбу за самостоятельность философского знания, борьбу против тезиса «наука – сама себе философия». И для этой борьбы диалектики привлекли свою историко-философскую компетенцию, а также административные ресурсы, использование которых подорвало автономистские начала в дискуссии.

Главная ставка дискуссии, которая прослеживается уже в самом её начале, – это ставка на монопольное право определять философскую истину диалектического материализма. Стэн упрекал Степанова, что он выдаёт свой механицизм за ортодоксальный марксизм⁵¹. Тем самым Стэн утверждал своё право говорить о имени ортодоксального марксизма. Механисты же упрекали деборинцев в схоластицизме и неогегельянстве, подрывающим марксизм. Отсутствие ортодоксии и борьба за право её сформировать – отличительная черта дискуссии механистов и диалектиков. Такого положения дел не будет уже никогда на протяжении всего советского периода. Вместе с тем потенциальное наличие позиции ортодокса как ставки, за которую ведётся борьба, уже содержит в себе антиавтономистскую тенденцию.

Борьба за монополию на философском поле велась в устных диспутах (в Институте им. Тимирязева в феврале 1925 года, в Институте научной философии РАНИОН в марте – мае 1926 года) и полемических статьях. Яхот отмечает, что напряжённые споры в Институте научной философии велись ежедневно на протяжении двух месяцев и длились по четыре часа⁵². Он также пишет, что «в ней не было ничего существенно нового: повторялись в

⁵⁰ Там же. С. 46.

⁵¹ Я. Стэн. Об ошибках Гортера и тов. Степанова // Большевик. 1924. № 11. С. 89.

⁵² И. Яхот. Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 62.

основном аргументы предыдущей дискуссии»⁵³. Это замечание Яхота свидетельствует о том, что в автономном поле, где участники равны и не обладают внешним ресурсом для создания решающего преимущества, такая дискуссия могла бы длиться бесконечно.

Что могло сдвинуть дискуссию из патового положения? Неавтономистский ресурс, привлечённый извне, и, строго говоря, выходящий за рамки чистой интеллектуальной борьбы как борьбы аргументаций.

Деборин, в то время возглавлявший редакцию главного философского журнала «Под знаменем марксизма» (организованного по предложению Ленина), главное философское учреждение – Институт научной философии, имел ресурсы для завершения этого этапа дискуссии в свою пользу. Это выразилось как раз в том, что тексты выступлений на дискуссии в Институте научной философии не были опубликованы в печати – вышла в свет во второй книге «Летописей марксизма» лишь заключительная речь самого Деборина, произнесённая 18 мая 1926 года. О характере непримиримом характере противостояния свидетельствует завершающая реплика из речи Деборина о механистах: «Ваша же работа, работа вашей группировки – бесхарактерной, беспринципной, разношерстной – направлена ныне на борьбу с ортодоксальным марксизмом. В целом ряде пунктов ваша “критика” примыкает к критике западно-европейских ликвидаторов марксизма»⁵⁴.

Деборин взял на себя право подвести итоги двухмесячной дискуссии и, по сути, заклеил своих оппонентов-механистов: «За последние годы у нас в марксизме сложились две группировки: одна, по моему глубочайшему убеждению, ревизионистского характера и другая группировка, стоящая на почве революционного, ортодоксального марксизма, которая стремится продолжать традиции наших великих учителей и тем самым двигать вперёд марксизм»⁵⁵. Притязания Деборина на господствующее мнение выражается и

⁵³ Там же. С. 61.

⁵⁴ Деборин А. Наши разногласия / Диалектика и естествознание. М., Л.: Государственное издательство, 1929. С. 294.

⁵⁵ Там же. С. 242.

в том, что он называет свою оценку «объективным положением вещей»⁵⁶. Такое притязание могло бы остаться на уровне риторики, если бы не последующее за ним завершение дискуссии. Ведь подобные утверждения, претендовавшие на перформативную силу: сделать высказывающего монополистом, занимающем господствующее положение на философском поле, – присутствовали по обе стороны дискуссии. Но именно Деборин смог воплотить в жизнь собственные притязания на доминирование на философском поле, на позицию главного философа в СССР – не в последнюю очередь благодаря внешним ресурсам. Это стало реальностью после ещё одного этапа дискуссии, инициаторами которого выступили механисты.

Ещё одним организационным ресурсом диалектиков в издательской политике было Общество воинствующих материалистов, созданное, как и возглавляемый Дебориным журнал «Под знаменем марксизма», по указанию Ленина. Среди членов-учредителей Общества были видные партийные деятели Бухарин и Троцкий. Резолюция Общества, опубликованная в декабре 1926 года, отражала точку зрения именно диалектиков: в ней содержались призывы к «борьбе за материалистическую диалектику против отвергающего ее ревизионизма»⁵⁷, под которым подразумевались механисты. В ней же диалектики отвергли обвинения в «гегельянщине», сославшись на статью Ленина «О значении воинствующего материализма»: в ней Ленин говорил о том, что редакция «Под знаменем марксизма» должна представлять собой «общество материалистических друзей гегелевской диалектики»⁵⁸. Деборин проводил в журнале соответствующую редакционную политику: сам он, Н. Карев, С. Гоникман и другие писали о Гегеле с диалектико-материалистических позиций, кроме того, Деборин участвовал в издании сочинений Гегеля и написал к ним предисловие.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Под знаменем марксизма. 1926. № 12. С. 236. Цит. по: И. Яхот. Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 63.

⁵⁸ Ленин В. О значении воинствующего материализма / Ленин В. В 55 т. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 30.

В дальнейшем Общество, в которое входили и механисты, выразило официальную поддержку позиции диалектиков, а механисты были преданы анафеме⁵⁹. Впоследствии в 1928 году механисты были выдвинуты из состава Общества, и оно было реорганизовано в Общество воинствующих материалистов-диалектиков. Диалектики и здесь повели себя как монополисты, недобросовестные конкуренты, если использовать экономическую метафору.

Механисты, терпящие поражения на официальных фронтах (недопуск к публикациям в главном философском журнале, отсутствие поддержки в Обществе воинствующих материалистов), предприняли попытку перевести дискуссию с диалектиками в более публичное русло – против чего стали возражать диалектики⁶⁰. Механисты рассчитывали, что публичный ресурс вернёт дискуссию в более автономистский режим. Диспут на тему «Коренные вопросы диалектического материализма» состоялся 19 декабря 1927 года в театре им. В. Мейерхольда и завершился в 1.30 ночи, что свидетельствует о большом интересе публики и полемическом накале. Публичный ресурс, использованный механистами в свою пользу, был сведён на нет издательской политикой деборинцев: выступления механистов были опубликованы в сокращённом виде, в то время как стенограммы докладов противоположного лагеря – целиком.

На этом этапе позицию государства и партии можно трактовать даже как более автономистскую, чем у деборинцев – участников дискуссии. Государство и партия выступили как арбитр, создающий условия для автономной философской борьбы. Было установлено своеобразное равновесие: механист Степанов был избран членом ЦК ВКП (б), а диалектик Стэн – членом Центральной Контрольной Комиссии.

Несмотря на обозначенные автономистские усилия, деборинцы смогли принудительно закончить интеллектуальную дискуссию организационными

⁵⁹ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. 1991. № 9. С. 63.

⁶⁰ Там же.

мерами. Это произошло на Второй конференции марксистско-ленинских научных учреждений в апреле 1929 года. Это был триумф деборинцев, разгром механистов и вместе с тем – конец автономии в советской философии и установление гетерономного порядка. Механисты даже не участвовали в окончательном голосовании по резолюции конференции, результаты которой изложены в сборнике «Современные проблемы философии марксизма» 1929 года.

Авторитетным решением механисты обвинялись в ревизионизме и были приговорены к отлучению от возможности получить признание в философском поле. Яхот пишет, что механистов осудили представители Коммунистической академии, Института Ленина, Институт Маркса и Энгельса⁶¹ – основных философских учреждений страны. Учёным-естествоиспытателям, как отмечает Яхот, уже было невозможно придерживаться механистических воззрений, заклеянных антиленинскими и антимарксистскими⁶². По мнению Яхота, резолюция, положившая конец дискуссии механистов и диалектиков, была адресована не оппонентам деборинцев, а учёным-естественникам, особенно до этого времени державшимся нейтралитета по философским вопросам.

Отсутствие такой возможности выбора у учёных, на чью сторону в дискуссии встать, говорит о начале существования философской ортодоксии, в отношении которой должны были определяться все остальные участники философского пространства и даже представители других наук.

Установившееся господствующее положение диалектиков выражается и в карьерном отношении. Так, Деборин сплотил вокруг себя единомышленников, занял ведущие позиции в философии – в первую очередь, в главном философском журнале «Под знаменем марксизма», где он был ответственным редактором с 1923 года, и в возглавляемом им же Институте научной философии (впоследствии реорганизованном в Философскую секцию

⁶¹ Там же. С. 65.

⁶² Там же.

Коммунистической академии при ЦИК СССР и позже – в Институт философии АН СССР) и Институте красной профессуры, где Деборин был заведующим философским отделением. Там же преподавали его ученики – первый выпуск Института красной профессуры. На протяжении 1922-1931 годов Деборин занимал другие важные административные посты в философских учреждениях и редакциях журналов⁶³. Кроме того, Деборин был принят в ВКП (б) без прохождения кандидатского стажа в 1928 году, хотя до 1917 года он придерживался меньшевистских позиций (и даже выступал с критикой большевиков в печати), а в философском плане считал своим учителем Плеханова. Начавший дискуссию с механистами Стэн так же, как и Деборин, имел дооктябрьский революционный стаж, был членом партии большевиков, работал заместителем директора Института Маркса и Энгельса.

С деборинской версией диалектического материализма, которая по завершении дискуссии была объявлена единственно верной, ортодоксальной, можно познакомиться, начиная с ранней работы Деборина «Введение в философию диалектического материализма». В период с 1916 по 1930 годы она выдержала пять изданий с предисловием Плеханова. «Введение...» было написано в 1907 году – чуть раньше ленинского «Материализма и эмпириокритицизма», законченного в 1908 году и напечатанном в 1909 году, и преследовало одну с ним цель – это критика «позитивистской» версии советского марксизма.

Как уже было отмечено, Деборин в построении своей версии диалектического материализма опирались в том числе на свою историко-философскую компетенцию, которую он получил, когда был вольнослушателем Берлинского университета, получал философское образование в Берне, где он читал философские тексты преимущественно на немецком языке, о чём свидетельствуют ссылки философские тексты

⁶³ Подробнее см.: Абрам Моисеевич Деборин (1881-1963) / сост., вступ. ст. С. Н. Корсаков. М.: Наука, 2013. С. 4.

классиков во «Введении...», знал в разной степени восемь иностранных языков, в том числе классические.

Во «Введении...» Деборин строит генеалогию диалектического материализма, возводя её ни много ни мало к епископу Беркли – главному идеалисту и провозвестнику поповщины в философии у Ленина в «Материализме и эмпириокритицизме»: ведь именно Беркли поставил себе цель опровергнуть атеизм и материализм философскими средствами. Чтобы разобраться, как Беркли попал в канон истории философии у Деборина и почему Беркли отведена целая глава, нужно иметь в виду, во-первых, что его книга была направлена против советских марксистов позитивистского толка и, во-вторых, специфическую трактовку истории развития философии.

Деборин понимает историю диалектического материализма диалектически: Беркли – это момент отрицания, который будет снят на следующем этапе развития философии. Высшая стадия прогрессивного развития философии, по Деборину, – это диалектический материализм. Для Деборина материалистическая диалектика по-гегелевски логично вырастает из всей предшествующей философии, и история происхождения диалектического материализма оказывается, по сути, диалектикой диалектики.

Деборин прямо говорит о своём видении историко-философского процесса: «Диалектический материализм, словом, примиряет и объединяет в высшем философском синтезе все течения философской мысли и представляет собою результат развития всей новой философии»⁶⁴. В канон философии Нового времени Деборин сознательно не включил рационалистов Декарта и Лейбница: ему была важна английская материалистическая традиция (в русле полемики с «позитивистами» от марксизма) и немецкая классическая философия, разработавшая идеалистическую диалектику.

Диалектический материализм, по Деборину, в гегелевском духе разрешил противоречия предшествующих философских течений: «диалектический

⁶⁴ Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 229.

материализм включает в себе в качестве “подчиненных моментов” и феноменализм (с его психологическим методом), и трансцендентальный идеализм (с его трансцендентальным методом...), и метафизический идеализм (с его метафизическим методом)»⁶⁵. Для Деборина важна именно философская колонизация, присвоение Юма и Беркли, ведь на них в своих философских построениях опираются Мах и Авенариус – главные противники диалектиков-материалистов. Деборин пишет: «Неююмисты зовут нас назад к Юму и Беркли»⁶⁶, но, по мнению автора «Введения...», недостатки философии Беркли и Юма уже преодолены, и нет смысла к ней возвращаться. Здесь Деборин по-гегелевски завершает историю философии, по его мнению, на её высшей стадии развития – диалектическом материализме.

Деборин завершает девятую главу своей книги неутешительным приговором махистам и утверждением диалектического материализма как высшего достижения за всю историю философии: «учение это [неююнизм – М. М.], как мы видели, способно лишь завести в тупой переулочек субъективизма и солипсизма и означает шаг назад в сравнении с диалектическим материализмом»⁶⁷.

Объяснение, почему даже главный субъективный идеалист Беркли сыграл прогрессивную роль в развитии философии, лежит в понимании Дебориным принципа партийности. Для Деборина как для марксиста философия является частью надстройки и определяется общественным бытием: прогресс в развитии мышления невозможно рассматривать в отрыве от развития социально-экономических условий эпохи того или иного мыслителя. Поэтому для Деборина все философы – исторические предшественники появления диалектического материализма – были прогрессивными мыслителями, но в рамках своей эпохи. Диалектический материализм, по Деборину, принадлежит уже новой исторической эпохе, и поэтому «что было прогрессивным явлением на заре капиталистической эпохи, то становится реакционным, когда

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Там же. С. 305.

⁶⁷ Там же.

надвигается гибель этого капиталистического строя»⁶⁸ – так он обосновывает необходимость отказа от «старой» философии в пользу диалектического материализма. Появление же идеалистической концепции Маха и Авенариуса исторически уже после диалектического материализма Деборин связывает с наступлением общественной реакции, в то время как расцвет материализма приходится на подъём революционной волны⁶⁹. Аргументы Деборина, которые можно было бы назвать политическими, во «Введении...» представлены незначительно. Книгу можно прочитывать как историко-философское исследование, в котором автор не скрывает своей ангажированности.

Главным историко-философским предшественником диалектического материализма для Деборина был Гегель: это очевидно не только по прямым на то указаниям самого Деборина, но и по тому, как он выстраивает реконструкцию истории философии, о чём было сказано выше. Деборин полностью принимает трактовку Энгельса о переворачивании гегелевской идеалистической диалектики с головы на ноги: диалектика Гегеля – «и по методу и по содержанию перевернутый материализм», а «“Абсолютный дух” Гегеля представляет собою не что иное, как природу в спекулятивно-теологической оболочке»⁷⁰. Деборин подтверждает его вывод Энгельса о закономерном переходе от диалектического идеализма к диалектическому материализму. Гегелевским языком Деборин высказывает диалектико-материалистические положения: «Подобно тому, как для Гегеля природа есть не что иное, как инобытие духа, так и для диалектического материализма дух представляет собой “природу в ее инобытии”»⁷¹, которая устроена диалектично, как и само мышление. Материалистическая диалектика, по Деборину, не только не отказывается от теоретических завоеваний диалектики Гегеля, но является прямой её наследницей: она «исторически и логически

⁶⁸ Там же. С. 319.

⁶⁹ Там же. С. 251.

⁷⁰ Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. С. 210.

⁷¹ Там же. С. 211-212.

непосредственно примыкает к гегелевской диалектике, являясь ее продолжением и дальнейшим развитием на качественно иной основе»⁷². Так, деборинская версия диалектического материализма опиралась прежде всего на материалистическую интерпретацию гегелевской диалектики.

В версии деборинского диамата философия защищает «монополию на свою историю», как об этом писал Бурдьё, и тем самым – «свой внесоциальный статус»⁷³. Как Гегель претендовал на то, чтобы мыслить мышление прошлого лучше, чем оно само себя мыслило⁷⁴, так вслед за ним и Деборин совершает реконструкцию истории философии. При этом порядок идей описывается Дебориным как естественный и подчиняющийся диалектическим закономерностям, понятиям материалистически. «Забвение истории», описанное Бурдьё, как раз заключается в том, что сделал Деборин: современная философия, как пишет Бурдьё, – результат предшествующих философий⁷⁵.

Обосновывая диамат через его диалектическое развитие в истории философии, Деборин, по сути, показывает, что основа диамата лежит в нём самом. Диалектическое обоснование самого диамата, предпринятое Дебориным, представляет собой «философскую историю философии»⁷⁶, которая не эмпирична, не исторична, а рациональна и априорна. При реконструкции истории философии Деборин не скрывает своей ангажированности при оценке философских учений прошлого и настоящего. В основе утверждения диалектико-материалистической точки зрения как единственно верной, на что направлена вся критика и аргументы, лежит произвольно выбранная позиция – сторонника диалектического материализма.

Согласно забвению истории, о котором пишет Бурдьё, Деборин утверждает, что философия диалектического материализма берёт начало в истории

⁷² Деборин А. Гегель и диалектический материализм / Деборин А. Философия и политика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 530.

⁷³ Bourdieu. Méditations Pascaliennes. P. 51.

⁷⁴ Ibid. P. 52.

⁷⁵ Ibid. P. 53.

⁷⁶ Ibidem.

философии; верно и обратное: диалектический материализм – основа для построения истории философии. Претензия деборинской версии диамата – в том, чтобы быть основанием для самой себе, тем самым отказываясь от собственной эмпирической истории. Деборинская реконструкция истории философии – исключительно философская, её метод – материалистическая диалектика.

Диалектический материализм в версии Деборина опирался не только на историю философии. «Диалектика, – писал Деборин, – это высший результат развития истории науки и философии»⁷⁷. Деборин выступал против отрыва естествознания от философии, одновременно отстаивая её относительную автономию от науки: он критиковал два тезиса, направленных против самостоятельности философии как дисциплины – а именно «философию за борт» и «наука – сама себе философия»⁷⁸. Вопрос о соотношении естествознания и философии, точнее диалектического материализма, Деборин решал, опираясь на Энгельса. Его «Диалектика природы» была опубликована Институтом Маркса и Энгельса в 1925 году, и деборинцы восприняли её как удачный ресурс своей борьбы против механистов. Диалектики сочли уместным использовать труд классика марксизма, боровшегося против механистического материализма XVII-XVIII веков, против современных им механистов. Однако, как уже было сказано, не теоретический ресурс сыграл решающую роль в победе диалектиков над механистами.

После устранения механистов как своих философских конкурентов Деборин и его единомышленники на протяжении нескольких месяцев 1929-1930 годов монополюльно господствовали в советской философии и говорили от имени философской ортодоксии. Деборин занял позицию главного философа: он был создателем философской школы диалектиков, о чём под гром

⁷⁷ Деборин А. Предмет философии и диалектики / Деборин А. Философия и политика. С. 181. Впервые статья была напечатана в журнале «Под знаменем марксизма» № 11 за 1926 г.

⁷⁸ Деборин А. Предмет философии и диалектики. С. 169.

аплодисментов на закрытии конференции марксистско-ленинских учреждений заявил Карев⁷⁹.

Организация круга последователей вряд ли бы состоялась, если бы Деборин не транслировал свою версию диалектического материализма не только в научных институтах, но и в стенах учебных заведений. Так, видные диалектики Карев, Луппол, Стэн были выпускниками первого набора философского отделения Института красной профессуры, которое возглавлял Деборин. Стэн и Карев отстаивали диалектические позиции в дискуссии с механистами, Луппол, зная, как и Деборин, европейские языки, писал историко-философские работы, которые в том числе переводились за рубежом, и первым опубликовал книгу на тему Ленина как философа⁸⁰. Кроме того, Деборин определял редакционную политику главного философского журнала 1920-х годов «Под знаменем марксизма», в котором сам печатался практически в каждом номере, возглавил учреждение, ставшее впоследствии Институтом философии Академии наук, сектора которого организовывались в соответствии с разработкой «Философской энциклопедии» (которая так и не начала выходить, но не по вине Деборина)⁸¹.

Установление деборинской версии в качестве монополярной средствами, подорвавшими автономию поля, заложило предпосылки для последующего разгрома группы Деборина по тому же принципу решающего внешнего воздействия. И если в случае первой дискуссии между механистами и диалектиками были существенные концептуальные различия, то во время второй дискуссии они не будут играть никакой роли, точнее, они будут фасадом, за которым прикроются карьерные амбиции отдельных философов.

§2. Установление новой монополярной версии к 1930 году: высшая ступень гетерономии диалектического материализма.

⁷⁹ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30-е годы). С. 66.

⁸⁰ Корсаков С. Иван Капитонович Луппол: ренессансный человек в тисках сталинского режима // Философский журнал. 2013. № 1. С. 138-139, 144.

⁸¹ Корсаков С. О первом проекте «Философской энциклопедии» // Философский журнал. 2010. № 2. С. 122-148.

Монополия Деборина и его учеников в диалектическом материализме была насильственно заменена новой монополией. Деборин потерял созданную им же позицию главного философа – теперь её занял глава советского государства и коммунистической партии И. Сталин, а пространство советской философии стало ещё более гетеромномным. Деборинцы подверглись репрессиям в годы большого террора, их теоретические работы были осуждены, пусть даже теоретические расхождения между старой и новой версиями ортодоксии не столь очевидны.

Теоретического разрыва между деборинской версией диалектического материализма и версией, предложенной группой М. Митина, не произошло. Митинская версия отличалась иным отношением к политике и естествознанию и выстраивала иную генеалогию: предшественницей диалектического материализма была уже не столько философия Гегеля, сколько философия французских материалистов XVIII века.

История противостояния подробно описана у И. Яхота, поэтому здесь стоит ограничиться несколькими важными пунктами и особенностями этой дискуссии по сравнению с предыдущей.

Главное отличие новой дискуссии заключается в том, что она была санкционирована лично Сталиным, и в этом смысле её итог был заранее предрешён в пользу группы, поддержавшей намерение Сталина быть объявленным главным авторитетом в философии. Изначально инициатива смещения Деборина и его сторонников была выдвинута снизу – недавними выпускниками Института красной профессуры. Для них это был способ сделать собственную академическую карьеру, рассчитывая не на признание коллег (как это было бы в логике автономного поля), а на внешнюю поддержку.

Формальный повод, за который зацепились молодые икаписты, – речь Сталина на конференции аграрников-марксистов в декабре 1929 года: Сталин «заострил внимание на том, что теоретический фронт отстаёт от “успехов

практического строительства”»⁸². Яхот подчёркивает, что в традиционной теоретической дискуссии, которая сначала была развёрнута, Митин и Юдин, одни из главных действующих лиц, находились в заведомо проигрышном положении из-за своей недостаточной компетентности, а политические обвинения, которые они предъявляли оппонентам, давали им преимущество⁸³. Однако следует ещё раз подчеркнуть, что сама возможность ведения дискуссии не только аргументативными средствами была показана в деле самим Дебориным, что не отменяет того, что он был более подготовлен для автономистской интеллектуальной дискуссии, чем его вчерашние слушатели.

Политическое вмешательство извне определило ход всей дискуссии. Карьерные устремления икапистов совпали с желанием Сталина утвердить свой авторитет в области теории – после устранения политических противников к 1930 году. Изначально утверждать авторитет Сталина в области философии было предложено самому Деборину, но он отказался, сославшись на то, что у Сталина, в отличие от Ленина, нет философских работ⁸⁴. Этот отказ предрешил начало антидеборинской кампании.

Как указывает Яхот, Сталин лично дал название деборинской школе – «меньшевистствующий идеализм», которое вошло в постановление «О журнале “Под знаменем марксизма”» 1931 года. В постановлении говорится о том, что журнал, возглавляемый Дебориным с 1923 по 1930 год, не воплотил в жизнь указания Ленина: журнал не стал «боевым органом марксизма-ленинизма»⁸⁵; роль ленинского этапа в марксистской философии была недооценена; происходил отрыв теории от практики, от политики.

Одно из обвинений опровергнуть легче всего, поскольку опровержение требует прежде всего формальных показателей, а не заведомо спорных интерпретаций содержания статей: это обвинение в отрицании ленинского

⁸² Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 73.

⁸³ Там же. С. 78.

⁸⁴ Корсаков С. Краткий очерк научной, научно-организационной и общественно-политической деятельности / Абрам Моисеевич Деборин. (1881-1963) / сост., вступ. ст. С. Н. Корсаков. – М.: Наука, 2013. С. 22.

⁸⁵ О журнале под «Знаменем марксизма» (Постановление ЦК ВКП (б) от 25 января 1931 года.) // Правда. 1931. 26 января. С. 1. (Опечатка в расстановке кавычек сохранена.)

этапа. В журнале регулярно публиковались статьи о творчестве Ленина: номер два за 1924 год, вышедший после его смерти, посвящён ему полностью. Один из постоянных авторов журнала, И. К. Луппол, вместе с Дебориным стал первопроходцем в изучении темы Ленина как философа. Его обстоятельный труд «Ленин и философия. К вопросу об отношении философии к революции» вышел в 1926 году и получил положительные рецензии, а через пять лет был переведён в Германии⁸⁶. Работа Деборина «Ленин как мыслитель» к 1930 году выдержала три издания.

Невозможно вслед за исследователями советской философии отрицать, что обвинение в отрицании ленинского этапа было надуманным – авторы преследовали цель дискредитировать деятельность деборинцев политическим образом. «Ленинский этап» в устах обвинителей на деле означал наступление сталинского этапа. Формально между группами Деборина и Митина в этом плане не было концептуальных различий: и те, и другие признавали авторитет Ленина в философии, ратовали за изучение ленинских философских работ. Однако возвеличивание Сталина – пожалуй, чуть ли не единственное очевидное отличие митинской версии диалектического материализма от деборинской. В остальном концептуальные различия, которые можно выявить, являются более спорными. Это легко объяснить тем, что Митин и его сподвижники получали философское образование у Деборина и до начала антидеборинской кампании как возможности продвижения по карьерной лестнице были настроены конформно по отношению к деборинской версии диалектического материализма.

Деборин отказался называть Сталина главным философом и клеветать на своих соратников⁸⁷. Отныне Ленин в текстах сталинистов упоминался «либо для того, чтобы его именем заклеить очередной “уклон”, либо для того, чтобы подчеркнуть: понять ленинский этап в философии можно, только

⁸⁶ Корсаков С. Иван Капитонович Луппол: ренессансный человек в тисках сталинского режима // Философский журнал. 2013. № 1. С. 136-137.

⁸⁷ Воспоминания академика А. М. Деборина (публикация С. Н. Корсакова) // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 124.

изучая Сталина...», «лучшего ленинца нашей эпохи»⁸⁸. По признанию Деборина, Сталин «мнил себя величайшим философом», «стремился заменить Ленина не только в руководстве хозяйственной деятельностью, но и в умственной, духовной деятельности»⁸⁹. Это стало причиной, почему Сталин поддержал выступление молодых философов против Деборина. После 1930 года новые генералы философского фронта: Митин, Юдин и другие – внесли свой вклад в установление культа личности.

В 1930-е – начале 1950-х годов стали привычными публикации вроде «Сталин – корифей марксистско-ленинской науки», «Сила сталинского предвидения», «Сталин – великий мастер марксистского диалектического метода». В учебнике «Диалектический материализм» 1934 года в разделе, посвящённом Ленину, больше всего ссылок дано именно на труды Сталина. Портреты вождя печатались на первых страницах журнала «Вопросы философии». В одном из философских словарей статья о Сталине оказалась самой большой по объёму⁹⁰. А в 1938 году вышла «История ВКП (б). Краткий курс». Авторство книги приписывалось Сталину, и параграф из четвёртой главы, посвящённый диалектическому и историческому материализму, сразу стал использоваться как самый легитимный текст, последнее слово в марксистско-ленинской философии⁹¹. В «Очерке диалектического материализма» 1948 года, который служил учебником для студентов-философов в 1950-е годы⁹², Сталин наряду с Марксом, Энгельсом и Лениным назван «творцом нового мировоззрения»⁹³. Также произведения Сталина обширно цитируются в тексте учебника и представлены в списке литературы к каждому параграфу. Так, последней инстанцией в любом философском вопросе стали тексты, вышедшие под авторством Сталина.

⁸⁸ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 11. С. 75.

⁸⁹ Воспоминания академика А. М. Деборина. С. 127.

⁹⁰ Краткий философский словарь. Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Л.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1940. С. 259-265.

⁹¹ О том, как положения из сталинской философии преломлялись в сочинениях «творческого марксиста» Ильенкова, пойдёт речь в следующем параграфе.

⁹² Интервью И. Т. Касавина с В. С. Стёпиным / Как это было: воспоминания и размышления / [под ред. В. А. Лекторского.] М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 20.

⁹³ Леонов М. Очерк диалектического материализма. М.: ОГИЗ, 1948. С.18.

Парадоксальным образом новая ортодоксия со Сталиным как главным философом с большой вероятностью представляет собой деборинскую версию в превращённом виде: именно ученик Деборина Я. Стэн обучал Сталина материалистической диалектике, а часть текста «Краткого курса» – это, предположительно, конспект Сталина лекций Стэна⁹⁴.

С этого времени достигает своего пика гетерономия советского философского пространства. Законы его функционирования уже не устанавливаются самими философами, как это было в случае предыдущей дискуссии, которая положила начало гетерономному порядку. Вторая дискуссия отличается ещё большей гетерономией: в ней уже непосредственно участвуют исполнители воли главы партии и государства и видные члены ЦК ВКП (б), которые не являются философами по профессии. В концептуальном отношении в первой дискуссии деборинцы отстаивали самостоятельность философии перед естествознанием⁹⁵, то во второй дискуссии они были бессильны перед поглощением философии политическими вопросами – по причинам, которые не сводятся к концептуальным различиям. Объяснение всех перипетий дискуссии (которую даже нельзя назвать дискуссией в привычном понимании) лежит в том, что противники диалектиков становятся проводниками желания Сталина установить свой авторитет в теоретической области.

В концептуальном отношении не произошло разрыва со старой ортодоксией, радикального отказа от её положений, существенное отличие – появление фигуры Сталина в философском пантеоне. Новая ортодоксия была изложена в систематическом виде в учебнике «Диалектический материализм» 1934 года под редакцией Митина.

Яхот справедливо отметил, что уже с 1930 года «философия политизируется в такой мере, что от нее почти ничего не остается»⁹⁶. Диалектики были

⁹⁴ Корсаков С. Предисловие / Стэн Я. Статьи и выступления по философии / Сост. С. Н. Корсаков, М. В. Бахтин, предисл. С. Н. Корсакова. М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум»; СПб.: Изд. дом «Мирь», 2015. С. 6-7.

⁹⁵ Деборин А. Энгельс и диалектическое понимание природы / Деборин А. Диалектика и естествознание. С. 56.

⁹⁶ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 77.

обвинены группой Митина «в отрыве теории от практики, философии от политики» – в этом в первую очередь выразилась их «антимарксистская сущность»⁹⁷. В учебнике Митина философия понималась как оружие политической борьбы. Диалектический материализм определялся как «философия пролетариата»⁹⁸, а сам учебник начинается с обзора истории классовой борьбы. Сближение философских и политических целей почти до неразличимости свидетельствует о возрастании гетерономии советского философского поля.

Позиция Митина по отношению к Деборину была отшлифована в том же учебнике. Сведению счётов с диалектиками посвящены многие страницы. Если сравнить статью 1930 года в газете «Правда» «О новых задачах марксистско-ленинской философии» Митина, Юдина и Ральцевича и учебник «Диалектический материализм» 1934 года, то можно увидеть, как эволюционировал тон политических обвинений, предъявленных диалектикам – от почти осторожных до обличительных.

Если прочесть статью в «Правде» вне социального контекста, то может показаться, будто текст не предвещает группе Деборина серьёзных неприятностей, и вообще не она является главным сюжетом текста. О грозящих последствиях свидетельствует примечание после статьи: «Редакция солидаризируется с основными положениями настоящей статьи»⁹⁹, авторами которой являются никому не известные выпускники Института красной профессуры – «лучшее свидетельство, что их действия направляла какая-то всесильная рука»¹⁰⁰, как пишет Яхот.

Обвинения деборинцам выдвигаются на фоне общих сомнений в благополучии на «теоретическом фронте», отсылающих к уже упоминавшейся речи Сталина на конференции аграрников-марксистов, на фоне общих

⁹⁷ Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии. (Из резолюции общего собрания ячейки ИКП философии и естествознания) // Правда. 1931. 26 января. С. 2.

⁹⁸ Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях / Под руководством М. Митина. Часть 1. Диалектический материализм. М.: ОГИЗ СОЦЭГГИЗ, 1934. С. 42.

⁹⁹ Митин М., Юдин П., Ральцевич В. О новых задачах марксистско-ленинской философии // Правда. 1930. 7 июня. С. 4.

¹⁰⁰ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 79.

рассуждений о марксистской диалектике. Критика деборинцев перемежается критикой «формалистических», «идеалистических» ошибок в литературоведении, экономике. Первым недостатком марксистско-ленинской философии, под которой понимается деборинская школа, называется не идеалистическая ревизия диалектического материализма, как это будет в учебнике 1934 года, а невнимание к «разоблачению теоретических основ троцкизма»¹⁰¹. По этому обвинению можно судить о том, чью политическую позицию защищали авторы статьи: его смысл становится понятным только в контексте внутривнутрипартийной борьбы второй половины 1920-х. В последующем в учебнике связь деборинцев с «контрреволюционным троцкизмом»¹⁰² была подчеркнута явно: «Еще во время борьбы с троцкистской оппозицией активная часть этой группы имела тесную связь с троцкизмом, разделяя троцкистские антипартийные установки в политике»¹⁰³. В области теории, по мнению авторов учебника, врага государства Троцкого и деборинцев роднит «буржуазный объективизм»¹⁰⁴.

Общим и для статьи, и для учебника является критика отрыва теории от практики¹⁰⁵, «теоретического разоружения пролетариата»¹⁰⁶, связанного с невыполнением указаний Сталина. В конечном итоге деборинцы в глазах митинцев оказывались противниками диктатуры пролетариата.

Обвинения в идеализме, которые станут ключевыми для учебника 1934 года, на протяжении почти всей статьи даются в контексте критики всего «отстающего от практики» «теоретического фронта». Значительная часть раздела о меньшевистствующем идеализме в учебнике будет посвящена гегельянской ревизии марксизма: «...меньшевистствующие идеалисты эту эклектичную, идеалистическую путаницу выдавали за материалистическую переработку гегелевской философии»¹⁰⁷. Провозглашённое Дебориным

¹⁰¹ Митин М., Юдин П., Ральцевич В. О новых задачах марксистско-ленинской философии. С. 3.

¹⁰² Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях. С. 45.

¹⁰³ Там же. С. 247.

¹⁰⁴ Там же. С. 301.

¹⁰⁵ Митин М., Юдин П., Ральцевич В. О новых задачах марксистско-ленинской философии. С. 3.

¹⁰⁶ Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях. С. 83.

¹⁰⁷ Там же. С. 288.

преодоление Гегеля в деборинской версии диалектического материализма было оспорено Митиным. Соседствующая с критикой идеалистических ошибок критика «формалистической тенденции» в статье практически не найдёт своего отражения в учебнике.

Мысль, к которой подводят авторы статьи, – это необходимость борьбы на два фронта: не только против механистов, но и против тех, кто допускает формально-идеалистические ошибки. Этой борьбе в учебнике будет посвящён отдельный параграф. Трактовка самокритики и принципа партийности авторами означала «борьбу против всяких школ и школок внутри марксизма»¹⁰⁸, под которыми подразумевались механисты и диалектики. Жёсткие выпады против механистов: «Вместо идеологического руководства, вместо задачи переделки науки механисты оберегали по существу науку от диалектики, выдвинув лозунг “наука – сама себе философия”»¹⁰⁹ – повторяют антипозитивистский пафос Деборина¹¹⁰. Тем самым у Деборина перехватывают и переприсваивают его же оружие теоретической борьбы. Это ещё раз свидетельствует о наследовании деборинской версии диалектического материализма группой Митина и об отсутствии в действительности тех концептуальных различий, которые хоть как-то оправдывали бы появление новой ортодоксии взамен старой.

Стремление говорить от имени советской марксистской философии, выносить обвинительные приговоры своим концептуальным противникам было свойственно всем сторонам в обеих дискуссиях – и механистам, и диалектикам, и группе Митина. Но действенность заявлений от имени марксистской философии всегда определялась по тем последствиям, которые эти заявления имели для противников: предания анафеме не обладали собственной перформативной силой. Такую силу им смог впервые придать Деборин, а затем и Митин.

¹⁰⁸ Митин М., Юдин П., Ральцевич В. О новых задачах марксистско-ленинской философии. С. 4.

¹⁰⁹ Там же. С. 3.

¹¹⁰ Деборин А. Предмет философии и диалектики. С. 169.

Какие конкретно механизмы были задействованы в ходе борьбы с деборинцами? Это и обвинения во вредительстве и контрреволюционных взглядах в печати¹¹¹, и утверждение новой редакции журнала «Под знаменем марксизма», в которую были введены Митин и Юдин, по постановлению ЦК ВКП (б)¹¹², и снятие Карева с поста председателя и члена правления «Общества воинствующих материалистов-диалектиков» в наказание за «антипартийную» позицию¹¹³. Впоследствии он был сослан и расстрелян в годы большого террора: такая судьба постигла почти всех диалектиков. По решению ЦК партии деборинцам запретили проводить Всесоюзную философскую конференцию, начать издавать новый философский журнал, напечатать «Философскую энциклопедию», сформировать делегацию на VII Всемирный философский конгресс¹¹⁴. Работы диалектиков переставали печатать, уже изданные труды исключались из публичного доступа. Ознакомиться с ними в позднесоветский период было затруднительно.

Сам Митин занял ключевые административные должности на философском поле: в 1930 году он стал заместителем директора Института красной профессуры, заместителем директора Института философии, вошёл в редколлегию журнала «Под знаменем марксизма», а также получил докторскую степень без защиты диссертации через пять лет после окончания Института красной профессуры, через десять – назначен директором Института Маркса – Энгельса – Ленина, избран действительным членом Академии наук СССР и членом ЦК ВКП (б).

По сути Митин занял позицию в академическом пространстве, которую ранее занимал Деборин: это ведущие должности в ключевых философских институтах. Вместе с этим эти позиции не идентичны: позиция Деборина не предполагала высшей философской инстанции, которая была бы внешней для

¹¹¹ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 94.

¹¹² О журнале под «Знаменем марксизма» (Постановление ЦК ВКП (б) от 25 января 1931 года.) // Правда. 1931. 26 января. С. 1. (Опечатка в расстановке кавычек сохранена.)

¹¹³ Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30 годы) // Вопросы философии. 1991. № 10. С. 94.

¹¹⁴ Корсаков С. Краткий очерк научной, научно-организационной и общественно-политической деятельности. С. 23.

философского пространства, как это стало, когда Митин провозгласил высший авторитет Сталина в философии.

Занимаемые должности – это, пожалуй, единственное настоящее сходство биографий Митина и Деборина. Деборин, как уже было сказано, получил философское образование в Европе, в то время как Митин учился в Коммунистическом университете имени Свердлова и в Институте красной профессуры у Деборина. Оба они приняли участие в революциях 1917 года, но в разных качествах. Деборин, имевший к этому времени опыт работы в европейских социалистических газетах и типографиях, работал в Совете рабочих и крестьянских депутатов и Военно-революционном комитете в Полтаве, был делегатом на Всероссийском демократическом совещании. В начале 1920-х годов он уже занимался преподаванием сразу в нескольких институтах и организацией науки (административная работа в Коммунистическом университете, Институте красной профессуры, Институте Маркса и Энгельса, организация Общества воинствующих материалистов по поручению Ленина, редакторская деятельность в журнале «Под знаменем марксизма»), в то время как Митин ходил на курсы в Коммунистическом университете, недолго преподавал в школе текстильной фабрики, служил в Красной армии и частях особого назначения (вооружённых подразделениях партии большевиков).

Различия в карьерных стратегиях Деборина и Митина объясняется различием ситуаций их философской социализации. Ключевой момент в социализации Деборина – её международный характер в 1900-е годы, когда Деборин находился в Европе, перемещаясь из страны в страну, получал философское образование, общался с русскими и немецкими социалистами, участвовал в полемике с русскими махистами. Восприятие Дебориным философии как международной интеллектуальной практики, развивавшейся исторически через разрешение противоречий различных противоборствующих концепций, столкновение мнений участников, признающих друг друга достойными и равными оппонентами, нашло

отражение в уже упомянутом «Введении в философию диалектического материализма». Даже во время Гражданской войны, когда Деборин находился в Советской России, он занимался такой научной работой, которую нельзя свести к «идейной войне». Философская стратегия Деборина была нацелена в том числе на признание за рубежом: его сочинения издавались в США, странах Европы и Азии.

У Митина не было подобного международного опыта. Его первичная философская социализация пришлась на начало 1920-х годов, в том числе – на время Гражданской войны. Если к этому моменту Деборин уже был полноценным участником поля, то Митин только входил в пространство философского производства. Ситуация военных действий, в которой оказался Митин, не предполагала ведения таких дискуссий, какие были возможны при социализации Деборина. Митин до поступления в Институт красной профессуры находился в обстоятельствах вооружённого противостояния врагам, в котором необходимо выполнять приказы вышестоящего по званию, иметь твёрдые политические убеждения, не подлежащие сомнению. Возможно, именно здесь следует искать объяснения дальнейшей карьерной стратегии Митина в философии: он сделал ставку на политизацию философии, на подчинение вышестоящему авторитету, чьи указания, почти как на войне, не подлежали обсуждению – их невозможно было ослушаться без того, чтобы понести наказание.

Позиции Митина и тех, кто вместе с ним сделал карьеру на разгроме деборинской группы (Юдин, Каммари и другие), оказались настолько прочными, что даже после развенчания культа личности восстановления Деборина в правах не последовало. Статья «Меньшевистствующий идеализм» вошла в послесталинскую пятитомную «Философскую энциклопедию», а постановление ЦК так и не было снято, как бы этого ни желал Деборин. О месте, которое отводилось фигуре Деборина в советской философии, можно судить по служебному, не доступному для читателей каталогу в библиотеке Института философии РАН: карточки со всеми публикациями сотрудников

помещались в отдельные именные ящики на каждого, однако своего ящика Деборину не досталось – список его публикаций находится в ящике под названием «Дискуссии». Зато был удостоен отдельного ящика сам Митин, главный погромщик деборинской группы, ставший генералом философского фронта после антидеборинской кампании¹¹⁵. Кроме того, во втором издании Большой советской энциклопедии статья о Деборине, свергнутом иерархе – но всё-таки академике – вопреки правилам грозилась не появиться: она была опубликована только в дополнительном томе в 1958 году, то есть после начала дестанизации¹¹⁶.

Формально можно говорить о полном поражении деборинской версии диалектического материализма, поскольку большинство диалектиков было репрессировано, а Деборин не мог свободно высказывать свои теоретические взгляды в печати. Однако не произошло полного отказа от ортодоксии, сложившейся в недолгий период господства Деборина и его сторонников. В чём заключались основные сходства и отличия старой и новой ортодоксий?

Примечательно, что разработка философских проблем естествознания в диалектическом материализме пошла по тому пути, который проложили деборинцы. Маркузе в своей книге «Soviet Marxism» 1958 года указывает, что именно советские философы сделали диалектику общей методологической схемой, какой она не была ни у Маркса, ни у Гегеля¹¹⁷. Корни превращения диалектики из истории освобождения в абстрактную теорию познания следует искать, по мнению Маркузе, в «Анти-Дюринге», ранней работе Энгельса¹¹⁸: именно там он впервые определил диалектику как «науку о всеобщих законах движения и развития природы, человеческого общества и мышления»¹¹⁹. Энгельс развернул своё понимание диалектики в позднем сочинении – «Диалектике природы».

¹¹⁵ Автор выражает признательность работникам библиотеки Института философии РАН.

¹¹⁶ Корсаков С., Деборин М. Борьба академика А. М. Деборина за научную и общественную реабилитацию: повесть в документах и свидетельствах // Философский журнал. 2014. № 1. С. 128.

¹¹⁷ Marcuse H. Soviet Marxism. A Critical Analysis. New York: Columbia University Press, 1969. P. 153-154.

¹¹⁸ Ibid. P. 158.

¹¹⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 154.

Понимание диалектики как метанауки о природе отстаивала именно дебординская группа, опираясь на «Диалектику природы», где Энгельс повторил данное в «Анти-Дюринге» общее определение диалектики: «...диалектика рассматривается как наука о наиболее общих законах всякого движения. Это означает, что ее законы должны иметь силу как для движения в природе и человеческой истории, так и для движения мышления»¹²⁰.

Именно дебординцы начали использовать ставшую впоследствии канонической для советской философии «Диалектику природы» Энгельса как один из решающих аргументов в своей борьбе против механистов. С этой работой широкая философская публика впервые смогла познакомиться в разгар первой дискуссии. В полемике с механистами Деборин прибегает к формуле Энгельса о диалектике для опровержения тезисов своих оппонентов: «Диалектика есть наука о всеобщих законах и формах движения в природе, обществе и мышлении»¹²¹.

Деборин писал в своём сборнике полемических статей: «В “Диалектике природы”, как, впрочем, и во всех других своих работах, Энгельс дает совершенно определенный ответ на все вопросы нашей философской дискуссии. Но Энгельс ни в чем не убеждает наших противников...»¹²². Разумеется, ответ Энгельса механистам, по мысли Деборина, подтверждает правоту диалектиков, с чем механисты ожидаемо не были согласны. В упомянутом сборнике работ Деборина «Диалектика природы» Энгельса, пожалуй, самый цитируемый труд. Деборин приводит длинные выдержки, где Энгельс выступает против механицизма, понимаемого как сведение качественных изменений к количественным в современном естествознании¹²³: это был один из ключевых пунктов разногласий диалектиков и механистов.

Формула Энгельса осталась частью ортодоксии и после разгрома дебординской группы. В том, что такое понимание материалистической

¹²⁰ Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961. С. 582.

¹²¹ Деборин А. Энгельс и диалектическое понимание природы. С. 59.

¹²² Деборин А. Предисловие / Деборин А. Диалектика и естествознание. С. IV.

¹²³ Деборин А. Энгельс и диалектическое понимание природы. С. 79-81.

диалектики осталось господствующим и в дальнейшем, не сложно убедиться, открыв учебник по диалектическому материализму в любой последующий период. Формула повторяется из учебника в учебник, начиная с учебника 1934 года под редакцией Митина – главного врага Деборина – где определение диалектики даётся по «Анти-Дюрингу»¹²⁴. В следующем учебнике – «Очерке диалектического материализма» 1948 года – диалектика рассматривается как «учение о наиболее общих законах развития природы и общества и отражении их в мышлении»¹²⁵. В учебнике Александрова 1954 года: «Диалектический материализм изучает наиболее общие (всегда и всюду действующие) объективные законы изменения и развития природы, общества и познания»¹²⁶, в учебнике 1963 года под редакцией Константинова: «Марксистская диалектика и даёт знание наиболее общих законов развития всей действительности: природы, общественной жизни, а также мышления»¹²⁷.

В курсе лекций М. Руткевича, изданных в 1973 году, диалектика также определяется по Энгельсу: «...диалектика как наука, будучи высшим сознательным проявлением субъективной диалектики, должна изучать не только диалектическое мышление, но в первую очередь объективный мир; должна изучать наиболее общие законы, которым подчинен объективный мир (природа и общество), и поэтому мышление, отражающее этот мир»¹²⁸. В более позднем учебнике Шептулина определение диамата экстраполируется на всю философию: «Философия изучает всеобщие законы развития природы, общества и мышления»¹²⁹.

Если нельзя приписать Деборину заслугу в индивидуальном авторстве или, точнее, распространении такого понимания диалектики, то не вызывает сомнения обстоятельство, что после разгрома деборинцев ортодоксия не

¹²⁴ Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях. С. 105.

¹²⁵ Леонов М. Очерк диалектического материализма. С. 16.

¹²⁶ Диалектический материализм / Под общей редакцией академика Г. Ф. Александрова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 7.

¹²⁷ Основы марксистской философии / Под ред. Ф. В. Константинова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 148.

¹²⁸ Руткевич М. Диалектический материализм. Курс лекций для философских факультетов. М.: «Мысль», 1973. С. 38.

¹²⁹ Диалектический и исторический материализм / Под общ. ред. А. П. Шептулина. М.: Политиздат, 1985. С. 13.

потерпела в этом смысле изменений. И если между противоборствующими версиями ортодоксии диалектического материализма не было концептуальных противоречий, дискуссия между диалектиками и митинцами не была интеллектуальным сражением в пространстве чистой мысли, о чём уже было сказано.

Если говорить о концептуальных различиях старой и новой ортодоксий, то наиболее важным из них будет различие в построении генеалогии диалектического материализма. Это объясняется тем, что фигура Деборина была прочно связана с гегелевским наследием: он возводил диалектический материализм к философии Гегеля, а во время второй дискуссии Деборина заклеямили «гегельянцем». Отсюда – предсказуемая критика Гегеля в новой версии диалектического материализма.

Как было показано в предыдущем параграфе, Деборин строил генеалогию диалектического материализма диалектически, и главным идейным предшественником марксистской философии в его историко-философской реконструкции был Гегель. Следует заметить, что это ещё не давало митинцам повода упрекнуть Деборина в «гегельянщине». Его подход к Гегелю не только не противоречил ленинской установке, но и было прямым её воплощением: «Опираясь на то, как применял Маркс материалистически понятию диалектику Гегеля, мы можем и должны разрабатывать эту диалектику со всех сторон, печатать в журнале отрывки из главных сочинений Гегеля, истолковывать их материалистически... Группа редакторов и сотрудников журнала “Под Знаменем Марксизма” должна быть, на мой взгляд, своего рода “обществом материалистических друзей гегелевской диалектики”»¹³⁰.

В высокой оценке Лениным гегелевской философии невозможно сомневаться: «...Гегель бьет всякий материализм *кроме* диалектического»¹³¹. Деборина можно назвать более последовательным ленинцем в оценке Гегеля:

¹³⁰ Ленин В. О значении воинствующего материализма / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970. С. 30.

¹³¹ Ленин В. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 29. М.: Издательство политической литературы, 1969. С. 250.

он солидарен с указанием Ленина, что «умный идеализм ближе к умному материализму, чем глупый материализм»¹³². Гегель, по Деборину, в некоторых моментах теории познания оказывается на той же точке зрения, что и Энгельс и Ленин¹³³. Но, как дальше будет видно, были возможны совершенно разнящиеся интерпретации догматических основоположений, что объясняется карьерными соображениями отдельных участников философского поля.

В новой монополярной версии диалектического материализма Гегель остался значимым предшественником единственно верной марксистской философии, как это было и у Деборина. Однако значительную часть раздела по Гегелю в учебнике 1938 года занимают трескучие обвинения «фашистскому неогегельянству», которое *«цепляется лишь за то, что есть мертвого, реакционного, мистического у Гегеля, за шелуху, сор его идеалистической системы, за абсолютную идею – боженьку»*¹³⁴, и группе Деборина, способствовавшей «идейному разоружению пролетариата»¹³⁵. В связи с этим даже в «революционном» методе Гегеля – диалектике – следует, по мнению авторов учебника, видеть и идеалистическую ловушку¹³⁶. Авторы учебника акцентируют внимание на идеалистической сущности диалектики Гегеля, обладающей реакционным потенциалом: так, её логическим продолжением у Гегеля стало оправдание прусской монархии¹³⁷ вместо критической революционной направленности, которая есть только у диалектики материалистической.

Вместе с этим не произошло окончательного разрыва с Гегелем, идейным вдохновителем «фашистских неогегельянцев» и деборинцев, «ревизовавших марксизм». Намеренно не эксплицированную преемственность с деборинской версией диалектического материализма можно найти, например, в том факте, что раздел учебника, посвящённый Гегелю, занимает в два раза больше

¹³² Ленин В. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии». С. 248.

¹³³ Деборин А. Ленин как мыслитель. М.: Государственное издательство, 1929. С. 34-35.

¹³⁴ Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях. С. 76.

¹³⁵ Там же. С. 83.

¹³⁶ Там же. С. 75.

¹³⁷ Там же. С. 76.

страниц, чем раздел, посвящённый механическому материализму. Это можно объяснить тем, что Деборин и его последователи при обучении студентов (среди которых был Митин и его группа) акцентировали внимание именно на Гегеле как величайшем предшественнике марксистской философии, отводили ему наиболее значимое место в историко-философском каноне среди всех немарксистских философов. Результатом обучения можно считать спокойное и обстоятельное изложение гегелевской философии в учебнике Митина, за исключением разбора мнений враждебных диалектическому материализму современных «гегельянцев», о которых уже было сказано.

Преимственность сказывается и в оценке Гегеля по отношению к Канту: авторы учебника 1934 года приходят к тем же выводам, что и Деборин во «Введении в философию диалектического материализма». У Митина Гегель преодолевает субъективизм и дуализм Канта, утверждает тождество бытия и мышления вместо их разрыва¹³⁸, у Деборина философия Гегеля как высшая стадия развития немецкого идеализма утверждает монизм и «параллелизм» бытия и мышления¹³⁹.

Странным образом признаётся и преодоление Гегелем французского материализма, что тоже вписывается в деборинскую реконструкцию истории философии: «В уродливой идеалистической форме он [Гегель] преодолел метафизику, довлевшую над мышлением философов и естествоиспытателей XVII и XVIII вв.»¹⁴⁰. Этот факт снова подводит к мысли об однородности ортодоксии 1920-1930-х годов, несмотря на смену фигур на ведущих философских позициях. Более критический тон по отношению к Гегелю – ответ на его «меньшевистствующий идеализм» Деборина, стремление оправдать его смещение с ведущей позиции концептуальными средствами.

В то же время французские материалисты оценивались пусть тоже критически, но всё же эта критика не носила столь яростного характера. Деборин, споривший с советскими механистами и в полемике

¹³⁸ Там же. С. 73.

¹³⁹ Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. С. 210.

¹⁴⁰ Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях. С. 75.

отождествлявший их с механистами XVIII века, видел в переоценке механицизма опасность сделать шаг назад, какой и сделали его оппоненты по первой дискуссии. Деборин привлекал все свои герменевтические навыки, чтобы доказать – Энгельс отнюдь не пошёл по пути отрицания диалектики в сторону механицизма, как хотели бы это видеть Аксельрод и другие¹⁴¹. По Деборину, механическая картина мира уже не обязательна, механике остаётся лишь ограниченная область для объяснения физических явлений¹⁴². Нельзя сказать, что неприятие Дебориным механицизма в каком бы то ни было изводе было абсолютным: в 1920-е годы он участвовал в издании сочинений Ламетри, Дидро, Гольбаха, Гельвеция.

Авторы же учебника «Диалектический материализм» оценивают французский материализм в более положительном ключе, чем Деборин, и напрямую говорят о преемственности французского материализма и марксистской философии: «Благодаря своей революционности философия Гольбаха, Гельвеция и их единомышленников сделалась звеном в цепи идей, приводивших в *конечном итоге* к учению Маркса»¹⁴³. В изложении учебника французский материализм был прогрессивным явлением для своей исторической эпохи, хотя и исторически ограниченным: его отличала метафизичность, механистичность, неумение распространить материализм на исследование общественных явлений. Прогрессивные элементы французского материализма, перечисленные в учебнике, – это «боевые атеистические мотивы»¹⁴⁴, признание опыта как источника познания, а материи – носителем всего существующего, и понимание человека как продукта среды¹⁴⁵.

Таким образом, французский механический материализм и марксистский диалектический материализм – это этапы в прогрессивном историческом развитии материалистической философии, и каждый этап соответствует

¹⁴¹ Деборин А. Энгельс и диалектическое понимание природы. С. 57

¹⁴² Деборин А. Ленин как мыслитель. С. 38.

¹⁴³ Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях. С. 49.

¹⁴⁴ Там же. С. 49.

¹⁴⁵ Там же. С. 48.

историческому развитию знаний о природе и обществе – таков вывод учебника о значении Гольбаха, Гельвеция, Ламетри и Дидро для современного диалектического материализма. Подобный подход к истории философии не противоречит предложенному Дебориным. Здесь снова нельзя найти серьёзных концептуальных расхождений между разными версиями ортодоксии.

Официально деборинская версия диалектического материализма была разгромлена, однако в новой монополярной версии самым заметным и чуть ли не единственным концептуальным сдвигом стало появление фигуры Сталина как главы философского пантеона. Ключевые изменения в советском поле лежали не в области мысли, а в области карьер – стратегий участников философского поля на право монополярно определять последнюю истину диалектического материализма.

Глава 3. Интеллектуальные коллизии в позднесоветском диалектическом материализме.

§1. Попытки разрыва с ортодоксией: случай Ильенкова.

После того, как философская ортодоксия установилась надолго, советским философам неизбежно приходилось соотноситься с ней.

Стратегию Эвальда Ильенкова, справедливо названного «ортодоксальным еретиком»¹⁴⁶, нельзя однозначно оценить как революционную или реформистскую. В своей работе он сочетал традиционные и недогматические ресурсы. О том, насколько революционны были озвученные им тезисы, можно говорить с опорой на реакцию остальных участников философского поля, современников Ильенкова. В. М. Межуев так характеризовал ситуацию: «Пишите о чём угодно, только не трогайте марксизм, не покушайтесь на его официальную версию – таков был негласный принцип политики в области философии»¹⁴⁷.

Самый опасный подрыв ортодоксии – еретический: Ильенков был искренним марксистом, и его работы, осуждённые на учёных советах в МГУ, дирекцией Института философии, не были попыткой установить новую веру, говоря метафорически, – это была попытка исправить старую. Замысел Ильенкова, скорее, нужно оценивать как реформистский, а не революционный.

Хронологический первым покушением на официальную версию советского марксизма были так называемые «гносеологические тезисы», настоящее название которых – «Тезисы к вопросу о взаимосвязи философии и знания о природе и обществе в процессе их исторического развития». Тезисы о предмете философии, как их ещё называют, Ильенков написал, будучи молодым преподавателем философского факультета МГУ, совместно со своим

¹⁴⁶ Пушаев Ю. Будущее советской философии. URL: <http://russ.ru/pole/Buduschee-sovetskoj-filosofii> (дата обращения: 7 апреля 2016 г.).

¹⁴⁷ Межуев В. Эвальд Ильенков и конец в России классической марксистской философии / Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. М.: РГГУ, 2004. С. 277.

коллегой и другом Валентином Коровиковым в апреле 1954 года. Какие идеи были в них высказаны, и почему они были восприняты как крамольные?

К сожалению, сам текст тезисов был утрачен. О концептуальном содержании можно судить по реконструкции, выполненной Е. Э. Иллеш по архивным документам, и по так называемой «Философской тетради» Ильенкова, посвящённой предмету философии.

В тезисах Ильенков и Коровиков выступали против трактовки философии как науки о мире в целом, обобщающей результаты частных наук. По их мнению, предмет философии исторически менялся, и прогресс этого изменения заключается не в расширении предмета до мира в целом, а наоборот в сужении. «Теоретическое мышление есть реальный предмет философии,», «...философия есть наука о научном мышлении и его законах,»¹⁴⁸ – к такому выводу приходят авторы тезисов.

Расходится ли такое понимание предмета философии с канонической формулой, идущей от Энгельса, о философии как науке о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления? Ильенков и Коровиков пытались показать, что нет: задача философии – искать наиболее общие характеристики бытия в самом мышлении. В «Философской тетради» Ильенков принимает формулу Энгельса, но выдвигает собственную трактовку: «объективные законы бытия... выступающие в форме законов мышления» – то же самое, что и «объективные закономерности мышления, познающего объективный мир»¹⁴⁹.

Предпосылка такого решения вопроса о предмете философии в том, что Ильенков и Коровиков придерживались принципа тождества бытия и мышления, и если бытие адекватно отражается мыслью, то онтология как самостоятельный раздел философии излишен. В «Философской тетради» у Ильенкова принцип тождества бытия и мышления высказан явно: законы

¹⁴⁸ Ильенков Э., Коровиков В. Реконструкция тезисов / Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. – М.: Издательство «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2016. С. 147.

¹⁴⁹ Ильенков Э. Философская тетрадь / Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955). С. 226-227.

мышления «лишь в том случае дадут правильный ход отражения, если законы его движения (параллельны) идентичны, тождественны законам объекта»¹⁵⁰. Так, философия у авторов тезисов сводится к теории познания, за что их заклеямили «гносеологами». Об этом будет подробно сказано ниже.

«Философская тетрадь» как черновик тезисов примечательна именно тем, что Ильенков не предполагал её публиковать, поэтому отпадает, например, проблема ритуального или «искреннего» цитирования: какая цитата Ленина поставлена ради цензуры, а какая действительно подкрепляет мысль автора. Зачастую в отношении текстов советских философов решить эту проблему, избежав произвола, невозможно. В случае «Тетради» Ильенкова вопрос о ритуальном цитировании не стоит.

Тем любопытнее анализировать, какие Ильенков использует ресурсы из канонической советской философии времени написания тезисов. Это те положения, которые вошли в учебный оборот, которые содержатся в монографиях признанных специалистов, которые утверждали участники философских дискуссий (антидеборинской кампании 1930-х, осуждения третьего тома «Истории философии» под редакцией Г. Александрова и его книги «История западноевропейской философии» в 1940-е).

Как уже было замечено, Ильенков признавал формулу Энгельса о диалектике. Но, отталкиваясь от канонической формулы, Ильенков дал такую её трактовку, которая была воспринята как не каноническая. О реакции философского сообщества на тезисы будет сказано после разбора их содержания.

Если продолжить перечисление ресурсов Ильенкова из канонической философии, то следующим нужно назвать понимание марксизма как революционного переворота в философии. Этому вопросу была посвящена монография научного руководителя Ильенкова, специалиста по истории философии Т. Ойзермана, изданная в 1948 году.

¹⁵⁰ Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 178.

Ильенков полемизирует с Ойзерманом насчёт понимания революционного переворота Маркса в философии. Ойзерман трактовал революционный переворот как введение в философию новых вопросов: о классовой борьбе, диктатуре пролетариата и так далее. Такое понимание революционного переворота считается ортодоксальным, оно вошло в уже упомянутую книгу Леонова, служившую учебником: «Обобщая опыт революционного массового пролетарского движения и опираясь на достижения предшествующей научной и философской мысли, Маркс и Энгельс разработали мировоззрение революционного пролетариата – диалектический материализм. Его возникновение знаменует глубочайшую революцию в философии...»¹⁵¹.

Насчёт трактовки Ойзерманом революционного переворота в философии Ильенков в «Тетради» высказался крайне скептически: «Глубоко сомневаюсь в точности такой характеристики рев[олюционного] переворота»¹⁵². По Ильенкову же, революционный переворот заключается в изменении не предмета философии, а метода: в гносеологию вводится практика, отвергается созерцательность и спекулятивность в решении философских вопросов¹⁵³. В защиту своей позиции Ильенков приводит цитаты из Энгельса и Ленина о том, что предмет философии сужается до закономерностей познающего мышления¹⁵⁴. Вряд ли Ильенков воспринимал свои расхождения с учителем как угрозу официальной ортодоксии.

Приверженность Ильенкова ортодоксальным взглядам доказывается и тем, как его аргументы в «Тетради» вписываются в советский философский контекст начала 1950-х годов, где Сталин и Жданов являются ключевыми авторитетами в области философии, а деборинская версия диалектического материализма известна как идеалистическая ревизия марксизма.

Действительно, в тексте тезисов звучит призыв к внимательному чтению теоретических работ Сталина: «Мы много и с удовольствием поем панегирики

¹⁵¹ Леонов М. Очерк диалектического материализма. С. 13-14.

¹⁵² Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 198.

¹⁵³ Там же. С. 176-177, 194, 210.

¹⁵⁴ Там же. С. 186, 202.

его [Сталина – М. М.] мудрости, но очень мало пытаемся выяснить, какие общезначимые методологические основы лежат в выступлениях Сталина, какое общезначимое понимание прав, компетенций, возможностей специфически философской помощи содержится в этих выступлениях...»¹⁵⁵. Нет сомнения, что с параграфом о диалектическом и историческом материализме в «Истории ВКП (б). Краткий курс», авторство которого приписывают Сталину, Ильенков познакомился во время учёбы на философском факультете. В тексте параграфа автор выделяет четыре черты диалектического материализма¹⁵⁶, которые Ильенков использует для доказательства своего понимания предмета философии¹⁵⁷. Ресурс канонической философии Ильенков использует неканоническим образом.

Так же Ильенков обращается и с философскими суждениями Жданова. Ильенков, доказывая необходимость размышления о предмете философии, ссылается на Жданова. В ходе дискуссии 1947 года Жданов действительно говорил об изменении предмета философии¹⁵⁸. Ильенков указывает на мысль Жданова, ведущую к тезису о мышлении как предмете философии: «Товарищи, полагающие, что в круг вопросов философии... попадают каждый раз новые области, забывают другое указание Жданова... что изменение предмета философии есть не что иное, как прогрессирующее его сужение...»¹⁵⁹. Конечным пунктом этого сужения, по Ильенкову, является мышление. Так, используя философские сентенции ведущих партийных и государственных деятелей Ильенков не ограничивается талмудистской экзегезой.

Ильенков отчасти наследует настороженное и критическое отношение к Гегелю. Отношение не могло быть иным: Гегель сделался священным монстром для философов после философской дискуссии 1947 года, на которой

¹⁵⁵ Там же. С. 196.

¹⁵⁶ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). М.: Издательство ЦК ВКП (б) «Правда», 1938. С. 101-104.

¹⁵⁷ Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 226.

¹⁵⁸ Выступление товарища Жданова А. А. // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 258.

¹⁵⁹ Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 179.

ЦК партии в лице Жданова осудил книгу Г. Александрова «История западноевропейской философии», а ещё раньше, в 1944 году – после осуждения третьего тома «Истории философии», посвящённого немецкой классике.

В наиболее критических выступлениях философия Гегеля оценивается с точки зрения принципа партийности как буржуазная реакция на Великую французскую революцию и французский материализм XVIII века¹⁶⁰. Воинственный критический запал, направленный против Гегеля, не кажется участникам дискуссии излишним: «Конечно, не отрицая определённого значения учения Гегеля, мы должны, главным образом, раскрывать реакционную сущность немецкой философии вообще и в особенности философии Гегеля»¹⁶¹. В подобных выражениях философия Гегеля чуть ли не обесценивается для марксизма-ленинизма. Более того, пересматривается оценка гегелевской философии самих основателей марксистского учения: «В результате тщательного изучения я пришёл к выводу, что значение его [Гегеля – М. М.] преувеличивалось даже Марксом и Энгельсом,»¹⁶² – признаётся один из участников дискуссии.

Сам Жданов на дискуссии по книге Г. Александрова уже считает спор о Гегеле излишним¹⁶³, ведь все вопросы о партийной оценке Гегеля уже были решены – при осуждении третьего тома «Истории философии». Однако механизм легитимации партийной оценки гегелевской философии работает так, что заставляет бойцов философского фронта публично повторять установившуюся догму, многократно ссылаться на классиков марксизма, в число которых в 1930-1950-е годы входил и Сталин.

И всё же отношение к Гегелю в дискуссии двойственно: с одной стороны, невозможно оспорить его философию как один из источников и составных

¹⁶⁰ Речь т. Эмдина М. В. // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 8; Речь т. Каммари М. Д. // Там же. С. 17; Речь т. Молодцова В. С. // Там же. С. 105.

¹⁶¹ Речь т. Гусейнова Г. Н. // Там же. С. 31.

¹⁶² Речь т. Серебрякова М. В. // Там же. С. 101.

¹⁶³ Выступление товарища Жданова А. А. // Там же. С. 268.

частей марксизма¹⁶⁴, с другой стороны, занятие философией Гегеля требует критической переработки. Высказываются предложения о написании трудов о Гегеле. Такая переработка требует глубокого погружения в гегелевскую философию – и здесь Гегель уже становится опасным: как остаться на материалистических позициях, сохранить критический запал к враждебному лагерю идеализма?

На подобные трудности сетует участник дискуссии, заместитель министра высшего образования и соавтор Т. Ойзермана В. Светлов: «Нужно вообще сказать, что философия Гегеля стала какой-то ахиллесовой пятой на пути работы наших товарищей,» – и предостерегает от «чрезмерного увлечения гегелевской философией», приведшей к дискуссии 1930 года (и последующему разгрому деборинской группы по обвинению в гегельянской ревизии марксизма), к «объективистским» ошибкам авторов третьего тома «Истории философии», и призывает «больше заниматься марксистской философией»¹⁶⁵, чем Гегелем.

Ильенков наследует неоднозначное отношение к Гегелю и деление его философии на прогрессивную («рациональное зерно») и реакционную стороны («мистическую шелуху»), шедшее ещё от Ленина и отшлифованное в 1940-е годы. По Ильенкову, революционность Гегеля в том, что он угадал подлинный предмет философии – законы мышления¹⁶⁶. Относительно черт диалектики Ильенков отдаёт предпочтение не Гегелю, а Сталину, чей авторитет в области философии оказывается неоспорим с начала 1930 года и до середины 1950-ых. Черты диалектики, к которым прибегает Ильенков, были выделены Сталиным в «Кратком курсе». В противопоставлении Гегеля и Сталина Ойзерман в «Тетради» Ильенкова оказывается на стороне немецкого философа¹⁶⁷, а не главного на тот момент «классика» марксизма-

¹⁶⁴ Ленин В. Три источника и три составных части марксизма / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973. С. 43.

¹⁶⁵ Речь т. Светлова В. И. // Вопросы философии. 1947. № 1. С. 56.

¹⁶⁶ Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 210-211.

¹⁶⁷ Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 216, 225-226.

ленинизма, и этим жестом Ильенков ставит себя на место хранителя ортодоксии, полемизирующего с отступником от истинной веры.

Однако вероотступником в глазах философского сообщества оказался сам Ильенков.

Если вернуться к формуле Энгельса, то, действительно, среди прочих авторам тезисов звучали обвинения в отрицании диалектики как науки о всеобщих законах развития природы, общества, мышления¹⁶⁸ на партсобраниях и учёных советах философского факультета МГУ, партсобраниях и заседаниях партбюро Института философии. Таким же теоретическим обвинением (и поэтому относительно безопасным) можно назвать обвинение в сведении диалектики к науке о мышлении¹⁶⁹.

Забегая вперёд к позднему Ильенкову, отметим, что в своём докладе «Диалектика и мировоззрение» 1977 года он полемизирует не только с «позитивистскими» способами решения этой проблемы, но и с положениями из текстов сталинского периода¹⁷⁰: в действительности берёт реванш у В. Черткова, который был заведующим сектором диалектического материализма в Институте философии, куда ушёл работать на полную занятость Ильенков после увольнения из МГУ. Чертков в 1955 году обвинял Ильенкова в реваншистских настроениях, когда тот искал поддержки у европейских коммунистов Т. Павлова и П. Тольятти¹⁷¹. Ильенков ответил тем, что в докладе 1977 года приравнял позицию Черткова, высказанную им в одном из его текстов 1953 года, к позиции М. Шелера¹⁷² – «буржуазного» философа и несомненного противника для марксистско-ленинского лагеря. К тому моменту самого Черткова уже не было в живых.

Обвинения Черткова к Ильенкову во время разбирательств с тезисами действительно сложно назвать теоретическими: обращение Ильенкова к

¹⁶⁸ Иллеш Е. Пропавшие тезисы / Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955). С. 29.

¹⁶⁹ Там же. С. 30.

¹⁷⁰ Ильенков Э. Диалектика и мировоззрение / Ильенков Э. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. С. 346.

¹⁷¹ Иллеш Е. Пропавшие тезисы. С. 104.

¹⁷² Ильенков Э. Диалектика и мировоззрение. С. 351.

Павлову и Тольятти он расценил как ошибку политического характера¹⁷³, как и Маслин и Каммари – другие работники Института философии и партийные деятели. Маслин, работавший ответственным сотрудником аппарата ЦК, призывал анализировать историю с тезисами «не в умозрительном, академическом плане, а в определенном политическом, организационном плане»¹⁷⁴, Моджинская, майор органов госбезопасности и работница Института обвинила Ильенкова в «политически вредном поступке»¹⁷⁵. Каммари, бывший заместителем директоров в различных философских институциях в 1930-е годы, член-корреспондент Академии наук, в 1950-е – главный редактор «Вопросов философии» заявил, что авторы тезисов пытаются «вбить клин между советскими партийными кадрами и зарубежными»¹⁷⁶.

Но более важным и симптоматичным является другое обвинение, озвученное Каммари и другими участниками на обсуждениях тезисов в Институте философии в МГУ: это обвинение в рецидиве меньшевистствующего идеализма в формулировках двадцатипятилетней давности¹⁷⁷. Декан Молодцов обвинит «гносеологов» в пересмотре предмета диалектического материализма на страницах «Вопросов философии» – главного журнала¹⁷⁸. Обвинение в меньшевистствующем идеализме наряду с обвинениями в объективизме, игнорировании принципа партийности¹⁷⁹ отсылает к недавним дискуссиям 1930-1940-х годов.

Нельзя сказать, что обвинения авторам тезисов в рецидиве меньшевистствующего идеализма появились исключительно по политическим причинам, хотя, разумеется, само обвинение относится не только и не столько к сфере теории. Действительно, в концептуальном отношении Ильенков сближается с Дебориным – главным проводником гегельянской версии

¹⁷³ Иллеш Е. Пропавшие тезисы. С. 104.

¹⁷⁴ Там же. С. 116.

¹⁷⁵ Там же. С. 115.

¹⁷⁶ Там же. С. 108.

¹⁷⁷ Там же. С. 31, 54, 57, 71, 81, 88, 130.

¹⁷⁸ Молодцов В. Об ошибках в понимании предмета диалектического материализма // Вопросы философии. 1956. № 1.

¹⁷⁹ Иллеш Е. Пропавшие тезисы. С. 62.

диалектического материализма – в положительной оценке роли Гегеля для марксистской философии. Как получилось, что, несмотря на разность в биографических траекториях, занимаемых позициях на философском поле, типах письма, оба автора пришли к схожей философской позиции?

Известно, что Ильенков читал Деборина и общался с ним лично. Однако в философских трудах Ильенкова, опубликованных при его жизни или немногим позже, редко встречаются прямые отсылки к Деборину, будь то полемика с ним или положительная оценка его философских воззрений. Это не удивительно, ведь после разгрома диалектиков Деборин стал если не персоной нон-грата в философии, то оказался значительно скован в своих действиях, и даже после смерти Сталина ситуация почти не изменилась: его труды и труды его соратников пылились в спецхранах, о переиздании не могло быть и речи, а печально известное постановление о журнале «Под знаменем марксизма»¹⁸⁰ так и не было снято.

Отношение Ильенкова к Деборину было явно высказано, пожалуй, только в уже упомянутых черновых записях к гносеологическим тезисам 1954 года, опубликованных в 2016 году. На фоне тяжелейших обвинений Деборину в меньшевистствующем идеализме на протяжении почти всей сталинской эпохи звучит необычно осторожная двойственность Ильенкова в оценке философии Деборина. Ильенков предлагает воскресить вопрос о методе в философии, отвергнутый вместе с деборинской трактовкой этого метода. При этом Ильенков критикует Деборина за абстрактность, априорность метода по отношению к познанию и повторяет известные ещё с 1930-х годов обвинения в реакционности¹⁸¹: в этом Ильенков следует установившемуся господствующему мнению своего времени.

Однако можно предположить, что такая оценка деборинской философии претерпела эволюцию у Ильенкова после написания своего раннего текста, подготовительного к тезисам. Известно, что Ильенков был представителем

¹⁸⁰ О журнале под «Знаменем марксизма» (Постановление ЦК ВКП (б) от 25 января 1931 года.) С. 1. (Опечатка в расстановке кавычек сохранена.)

¹⁸¹ Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 197-199.

особой комиссии Института философии, под наблюдением которой выходил сборник философских работ Деборина в 1961 году, то есть за два года до его смерти. Ильенков писал к этому изданию предисловие¹⁸², которое почему-то не вошло в окончательную версию книги. Это обстоятельство косвенно свидетельствует о философских симпатиях Ильенкова к Деборину по крайней мере к концу жизни Деборина.

В концептуальном плане он, как и Деборин, полемизировал с современными ему «позитивистами» – И. Нарским и Д. Дубровским¹⁸³. Как и Деборин, Ильенков считал предметом философии мышление и принимал установку о его тождестве с бытием, разумеется, трактуя его материалистически, о связи онтологии и гносеологии¹⁸⁴. Главное концептуальное сходство Ильенкова и Деборина – их прогегельянские позиции в трактовке материалистической диалектики. В контексте ещё не забытого разгрома деборинской группы и дискуссий 1940-х годов тем более любопытным выглядит философский разрыв, совершённый уже Ильенковым в послесталинскую эпоху.

В своих зрелых работах Ильенков стоял на гегельянско-марксистских позициях. Его «гегельянство» – не только в использовании специфически гегелевского языка, например: «Идеальное есть, следовательно, субъективное бытие предмета, или его “инобытие”, – бытие оного предмета в другом и через другое, как выражал такую ситуацию Гегель»,¹⁸⁵ но и в политической защите Гегеля от нападок в духе 1940-х годов: «Только на этом пути [имеется в виду критика логики Гегеля Марксом и Энгельсом – М. М.] объективно-идеалистические иллюзии гегелевской концепции могли быть действительно объяснены, а не просто обруганы “мистическим вздором”, “атавизмом

¹⁸² Интервью автора с С. Н. Мареевым, октябрь 2015 г.

¹⁸³ Ильенков Э. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма / Ильенков Э. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма; Диалектика идеального / Сост. А. П. Поляков. М.: Мир философии, Дмитрий Сечин, 2015. С. 41, 123; Ильенков Э. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984. С. 170-171.

¹⁸⁴ Деборин А. Предмет философии и диалектики. С. 168; Деборин А. Диалектика в немецкой классической философии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. С. 213; Ильенков Э. Философская тетрадь. С. 188, 277; Ильенков Э. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма. С. 109.

¹⁸⁵ Ильенков Э. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. С. 173.

теологии” и прочими обидными, но ровно ничего не объясняющими эпитетами»¹⁸⁶.

Однако в биографиях Ильенкова и Деборина больше различий, чем сходств. Образовательная траектория Деборина схожа с ленинской: он покинул Россию по политическим причинам и получил философское образование в Европе, а не на родине. Ильенков же окончил философский факультет МГУ в 1950 году в советской России. Он, как и Деборин, получил хорошую историко-философскую подготовку, и в 1953 году защитил диссертацию под руководством Т. Ойзермана.

В 1920-е годы Деборин был ключевым организатором науки, преподавал в философских учреждениях Москвы, как и его ученики: так, разработанная им гегельянская версия диалектического материализма распространялась по образовательным и исследовательским векторам. Ильенков же был отрезан от распространения своих идей через преподавание в самом начале своей карьеры после осуждения его тезисов о предмете философии в 1955 году и увольнения из МГУ. В Институте философии он мог заниматься исключительно научной, а не учебной работой, что, конечно, не помешало ему сформировать круг учеников среди аспирантов. В решении Совета философского факультета от 29 марта 1955 года среди прочего постановил провести разъяснительную работу по вопросам, затронутым в тезисах (предмет философии, трактовка формулы Энгельса) и «принять решительные меры против дальнейшего распространения антимарксистских идей на факультете, связанных с тезисами»¹⁸⁷.

Осудившие тезисы философы, среди которых были участники дискуссий 1940-х, как раз упирали на то, как «развратили молодёжь» Ильенков и Коровиков, включив в преподавание дискуссионный вопрос: особенно они «заботились» об иностранных студентов из просоветской ГДР. «Мы допустили, чтобы у нас два преподавателя под флагом “творческого

¹⁸⁶ Там же. С. 164.

¹⁸⁷ Иллеш Е. Пропащие тезисы. С. 62-63.

марксизма” вносили путаницу в умы наших студентов, в частности в умы доверенных нам зарубежных товарищей!»¹⁸⁸ – так в Институте защищались от ереси, грозившей пересечь границу и сместить расстановку сил не в пользу существующей ортодоксии чуть ли не в международном масштабе. Надо заметить, что именно международный резонанс, по признанию Ильенкова, спас его от больших партийных взысканий¹⁸⁹. Тезисы обрели революционный потенциал в глазах коллег, хранителей ортодоксии и устоявшегося порядка сил в поле: «Они [Ильенков и Коровиков – М. М.] зазнались, решили против и без кафедры, наперекор партии “творчески улучшить” марксизм. И, конечно, были за это осуждены»¹⁹⁰.

Если 1920-е годы – это борьба Деборина с механистами за монопольное право на определение философской истины, полемика при стечении публики и в печати; то конец 1950-х – 1970-е годы – время, когда Ильенков был вынужден соотноситься с уже установившейся ортодоксией: он выступил как еретик, за что и подвергся гонениям – его публикационная активность была ограничена дирекцией Института (например, его книга «Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса» вышла сокращённой на треть).

Другое важное различие – типы письма двух авторов. У Деборина он ближе к историко-философскому, в то время как Ильенков пишет как творческий марксист: его тип письма не предполагал ни непрерывных историко-философских опосредований, которые мы видим у Деборина, ни обращения к Марксу через Ленина, как в учебниках по диалектическому материализму, – Ильенков обращался к классикам напрямую, писал в логике непосредственного разговора с ними. Однако, что важно, как и Деборин, Ильенков, защитивший кандидатскую диссертацию на кафедре истории философии, культивировал историко-философскую компетентность –

¹⁸⁸ Там же. С. 77.

¹⁸⁹ Там же. С. 141.

¹⁹⁰ Там же. С. 78.

инструмент поднятия ставок теоретической игры и автономизации¹⁹¹ – в своих текстах и рекомендациях. Об этом свидетельствует, например, длинный список литературы для самообразования, составленный в 1970 году для студента философского факультета МГУ. Примечателен совет Ильенкова, который мог бы сделать, пожалуй, и Деборин: «Перелопатить, изучить все написанное, сказанное Гегелем»¹⁹².

О наследовании деборинских идей Ильенковым нет единого мнения: ученик Ильенкова С. Мареев отрицает, что концептуальное сходство Ильенкова и Деборина в оценке Гегеля свидетельствует о наследовании¹⁹³, в отличие от исследователя советской философии С. Корсакова¹⁹⁴. Если и невозможно усмотреть прямую линию концептуального наследования, то обращение к гегельянским интерпретациям марксизма и самой философии Гегеля не кажется случайным. И Деборин, и Ильенков в противостоянии «позитивистским» интерпретациям марксизма делали ставку на Гегеля, и в конце концов их версии марксизма оказывались неудобными в гетерономном пространстве советской философии.

Различие между текстами еретика (и даже ересиарха) Ильенкова и повергнутого иерарха Деборина действительно может быть не таким несомненным, как различие между текстами Ильенкова и его способом философской работы его «начальства». С. Мареев, ученик Ильенкова, так обрисовывает этот конфликт: «Когда Ильенков книжку “Диалектика абстрактного и конкретного в “Капитале” Маркса” [написал – М. М.]... Федосеев – тогда директор Института был – не пускал. И когда её сократили, и Федосеев был готов её пустить, он в качестве как бы пожелания или требования сказал: “Вы ни на кого не ссылаетесь, это плохо”. <...> На кого-то надо было сослаться. Ильенков сам мне это рассказывал. Я, говорит, пошёл

¹⁹¹ Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. С. 224.

¹⁹² Список литературы для философского самообразования, продиктованный Э. В. Ильенковым студенту философского факультета МГУ Шулевскому Н. Б. / Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга-диалог). М., 1997. С. 237.

¹⁹³ Мареев С. Э. В. Ильенков: жизнь философией. М.: Академический проект; Трикта, 2015. С. 115-118.

¹⁹⁴ Корсаков С. Краткий очерк научной, научно-организационной и общественно-политической деятельности. С. 42.

домой. У него, я помню, стояли сочинения Мао Цзэдуна. Но их писали наши советские марксисты, которые туда были командированы. <...> Поскольку эти сочинения были написаны нашими, в них могло быть что-то такое верное, во-первых, и приличное. Я пришёл, говорит, подобрал какую-то цитатку и вставил. <...> Самое главное, “авторитетов” наших он не цитировал. Тот же Федосеев, Константинов, Митин»¹⁹⁵.

Такая характеристика Федосеева, Константинова и Митина продиктована их положением в академической иерархии. Федосеев занимал должности директора Института философии и Института марксизма-ленинизма, в 1941-1955 годах работал в аппарате ЦК партии, в 1960 году стал академиком. Константинов сменил Федосеева на посту директора ИФ АН, также был директором Академии общественных наук при ЦК КПСС, был главным редактором «Философской энциклопедии» и других изданий, заведовал отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС – отделом, функционировавшим в том числе как механизм партийного управления философией. Биографическая траектория Митина, «главного бриллианта в короне догматизма»¹⁹⁶, несмотря на то, что он сделал философскую карьеру на разгроме группы Деборина и возвеличивании Сталина, была достаточно гладкой и после развенчания культа личности, пусть даже он и был снят с поста редактора «Вопросов философии» в 1967 году из-за истории с плагиатом.

Конфликт между «авторитетами» и Ильенковым заключался как раз в уже упомянутом типе письма Ильенкова: требование ссылок означало как раз противоположный тип письма – с опосредованиями, которые в идеале укладывались бы в условную иерархичную схему: Маркс, Энгельс, Ленин – последнее постановление съезда КПСС – философские иерархи, и замыкающим этой схемы был бы скромный автор текста. Пример следования опосредующему типу письма у Федосеева – в статье в номере «Вопросов философии», посвящённого 110-летию со дня рождения Ленина:

¹⁹⁵ Интервью автора с С. Н. Мареевым, октябрь 2015 г.

¹⁹⁶ О прошлом и настоящем. Беседа Л. Н. Митрохина с В. А. Лекторским / Как это было: воспоминания и размышления [под ред. В. А. Лекторского]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 247.

«Верный и стойкий последователь Маркса и Энгельса Ленин всесторонне развил их революционно учение, обогатил его новыми идеями, выводами и положениями»¹⁹⁷. Величие Ленина подтверждается ссылкой на постановление ЦК партии. Подобные риторические выражения наследуют статьям и анонимным передовицам «Вопросов философии» 1940-1950-х годов.

Опосредующий тип письма иронично обыгран Ильенковым в подготовительных материалах к его поздней работе «Ленинская диалектика и метафизика позитивизма», так же написанной в логике «творческого марксизма», где Ленин прочитывается из сегодняшнего дня: по сути в уста Ленина вкладывается критика Ильенковым современных ему «позитивистов», о чём уже было сказано. По свидетельству С. Мареева, в книге предполагался «параграф “Метафизические размышления над трупом погибшей козы”. Это аллюзия на книжку Украинцева, где он обсуждает проблему вероятности, случайности и необходимости и приводит эпизод из своей жизни, как они с друзьями путешествовали в горах и увидели труп погибшей козы. Коза сорвалась с обрыва. Украинцев рассуждает, что она выбрала не тот путь и какова была вероятность того, что она пошла бы по другому пути и не погибла»¹⁹⁸. На период, когда Украинцев директорствовал в Институте философии, пришлась попытка «разогнать» сектор диалектического материализма (что означало поставить туда «более удобных людей»): эта попытка была организована сверху, и Украинцев выступал не инициатором, а проводником¹⁹⁹. Противостояние Ильенкова и директора Института как противостояние начальника и подчинённого таким образом было конвертировано Ильенковым в философское высказывание.

Другой пример такой конвертации есть и в более раннем тексте Ильенкова. В своём не отправленном письме в ЦК, написанном не раньше 1967 года, он

¹⁹⁷ Федосеев П. Ленинизм и социальный прогресс человечества // Вопросы философии. 1980. № 4. С. 15.

¹⁹⁸ Интервью автора с С. Н. Мареевым, октябрь 2015 г.

¹⁹⁹ О ругательном слове «гносеолог» и развитии науки под идеологическим давлением государства. Запись беседы с В. А. Лекторским. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1559> (дата обращения: 7 апреля 2016 г.); Лекторский В. Воспоминания о Серафиме Тимофеевиче Мелюхине / Мелюхин С. Избранные труды: наследие и современность. В 3 т. Т. 1. Воспоминания. М.: издатель Савин С. А., 2010. С. 165-167.

обвиняет Молодцова, бывшего деканом философского факультета во время истории с гносеологическими тезисами, в прямой и уже «греховной» связи со сталинским диалектическим материализмом и таким же небезопасным «позитивизмом» (ведь именно это буржуазное направление критиковал Ленин в «Материализме и эмпириокритицизме») и берёт на себя ответственность отстаивать честь дисциплины и самой философии: «ПРАКТИЧЕСКИ – это я могу сказать детально, дело оборачивается так, что “диалектика вообще” ОСТАЕТСЯ НА УРОВНЕ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ КРАТКОГО КУРСА – а ее развитие сводится на сто процентов к ПОПОЛНЕНИЮ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО БАГАЖА ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЫ ЧАСТНЫМИ ПОНЯТИЯМИ “современного естествознания”. 4-я глава + такие понятия, как “информация”, “обратная связь”, “генетический код”, “анизотропность”, ЕТС – вот весь состав молодцовской “диалектики природы”. НЕУДИВИТЕЛЬНО, ЧТО ТАКОЙ ДИАМАТ – персонифицированный Молодцовым, Казариновым и им подобными лекторами – НА ВСЮ ЖИЗНЬ ПРИВИВАЕТ СТУДЕНТАМ ИРОНИЧЕСКОЕ ОТНОШЕНИЕ К ФИЛОСОФИИ ВООБЩЕ»²⁰⁰.

Пожалуй, обвинения современным философам в «позитивизме», с точки зрения Ильенкова, – даже более страшные, чем в следовании сталинскому видению диалектического материализма: «На деле – 95 – если не более процентов подобных сочинений представляют собой не решение «философских проблем», а просто-напросто посредственно-поверхностное рассмотрение общих теоретических проблем диагностики, кибернетики, физики, химии, текущей политики, математики и прочих наук... Философии в собственном смысле тут вообще нет, а если и есть, то столь поверхностная, что 4-я глава “Краткого курса” может показаться верхом мудрости»²⁰¹. Ильенков видит опасность подмены марксистско-ленинской философии позитивистской, а проводниками такой подмены в его глазах являются его оппоненты, которым он обязан зигзагами в своей биографической траектории.

²⁰⁰ Ильенков Э. О положении с философией (Письмо в ЦК партии) / Эвальд Васильевич Ильенков / Э. В. Ильенков; [под ред. В. И. Толстых]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 385-386.

²⁰¹ Там же. С. 380-381.

В случае Молодцова это увольнение из МГУ и невозможность преподавать после истории с тезисами.

Другой точкой напряжения Ильенкова с ортодоксией, точкой, также связанной со сталинским наследием в диалектическом материализме, можно назвать различие в трактовке такого понятия, как личность. Данный сюжет уже выходит за рамки собственно диалектического материализма. Отметим только, что и здесь Ильенков противостоял «позитивистскому», физиологическим интерпретациям понятия личности Павловым, канонизированном ещё при Сталине²⁰². Ильенков выступал против сведения к физиологии и самого процесса познания, и здесь Ильенков шёл против «позитивистской» интерпретации самого Ленина, чья теория отражения могла быть истолкована в духе «позитивистском» духе перехода от чувственной ступени познания к абстрактной²⁰³.

Несмотря на то, что Ильенков действительно боролся против ортодоксии, прежде всего сталинской и связанной с ней павловской, его нельзя называть маргинальным философом.

В рамках традиционного противопоставления «официоза» и «творческого марксизма», которое часто можно встретить в мемуарах философов, невозможно объяснить тот факт, что тексты Ильенкова и его ученика Мареева попали в список рекомендованной литературы для аспирантов нефилософских специальностей сразу по нескольким вопросам в разных темах по марксистско-ленинской философии²⁰⁴. В этом случае автор программы не увидел в текстах Ильенкова недопустимого революционного подрыва, который был бы несовместим с текстами того ж Федосеева, также представленными в списке рекомендованной литературы. Этот случай совсем не единичен. Тексты Ильенкова по диалектической логике были

²⁰² Подробнее см.: Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. С. 225-228; Михайлов Ф. Он сам – целая школа / Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков. С. 121.

²⁰³ Михайлов Ф. Он сам – целая школа. С. 119-120.

²⁰⁴ Марксистско-ленинская философия. Методические материалы для аспирантов и соискателей нефилософский специальностей. Отв. ред. М. А. Паранюк. Киев, 1979. С. 26, 34, 52, 84, 85. Брошюра помечена грифом «для служебного пользования».

рекомендованы для прочтения студентам философского факультета МГУ 1970-х годов – то есть в главной философской образовательной институции²⁰⁵. Ильенков несмотря на то, что был отрезан от преподавания, вошёл в образовательный философский канон.

§2. Эволюция ортодоксии и позиции её авторов.

Как изменялась каноническая версия диалектического материализма с того момента, когда ортодоксия была утверждена, то есть с 1930-х годов?

Легитимацию философских ортодоксальных положений диалектического материализма легче и логичнее всего проследить по учебникам, авторами которых были философы, занимавшие ключевые позиции в ведущих философских институциях. Учебники транслировали ортодоксию не только и (впоследствии) не столько для специалистов, сколько для не-профессионалов в области философии. Следовательно, в учебники попадали самые несомненные и обязательные философские истины.

В учебнике 1934 года под редакцией Митина отдельный параграф о философии Сталина помещён в главу, посвящённую Ленину, и в ней несмотря на титульное название «Основные этапы ленинского этапа в развитии диалектического материализма» Сталин является самым цитируемым автором. Результаты дискуссий: клеймление механистов и диалектиков как «правого» и «левого» оппортунизма соответственно – были закреплены в учебнике в целой главе.

Это свидетельствует о том, что ортодоксия утверждалась по модели своеобразно понимаемой дискуссионности, заложенной ещё Дебориным во время борьбы с механистами. Утверждавшие ортодоксию философы делали это через обвинение своих коллег, советских философов, в «ревизии» и прочих антимарксистских грехах, что сопровождалось институциональным уничтожением для них возможности высказывать свою точку зрения. Конечно, ортодоксия утверждалась и за счёт разбора философских концепций

²⁰⁵ Интервью автора с В. В. Мироновым, март 2016 года.

современных несоветских философов (которые в конце 1940-х – начале 1950-х годов могли сводиться к огульным обвинениям, граничащим с бессодержательной, но хлесткой бранью), но это относится больше к текстам, шедшим под рубрикой критики буржуазной философии, а не диалектического материализма.

Если критика буржуазной философии в разных формах всегда присутствовала в советской философии, и нередко в учебниках по диалектическому материализму, начиная с 1930-х годов, можно было походя встретиться с ней на протяжении почти всех разделов, то с критикой советских «ревизионистов» 1920-х годов – механистов и диалектиков – дело обстоит не однозначно.

К 1947 году, когда был написан впоследствии широко используемый учебник Леонова, Митин, Юдин и другие участники антидеборинской кампании сохраняли ведущие позиции в философии, однако результаты двух дискуссий 1920-х не нашли своего содержательного отражения в новом учебнике Леонова, первое издание которого вышло в 1947 году²⁰⁶. Позиция Леонова в философском пространстве не была связана с борьбой против «меньшевистствующего идеализма» и смещением дебординцев ради карьерного взлёта, в отличие от Митина, который закрепил своё господствующее положение через повторение обвинительного приговора деборинской версии диалектического материализма на страницах учебника – легитимного текста, предназначенного для массового использования, через который может происходить первичное усвоение философского знания.

Тема механицизма и «меньшевистствующего идеализма» как главных ересей переместилась из учебников в другие тексты, освящённые авторитетом философских институций. Так, в 1955 было защищено сразу три диссертации о дискуссиях 1920-х годов – в МГУ и Академии общественных наук. В них повторяются устоявшиеся обвинения, одновременно философские и

²⁰⁶ Ссылки на этот учебник приводятся по изданию 1948 года.

политические. Это формулировки, знакомые по статьям из «Правды» о деборинцах: оправдание «контрреволюционной» деятельности троцкистов²⁰⁷, подмена марксистской диалектики гегелевской²⁰⁸, отрицание принципа партийности и ленинского этапа в марксизме²⁰⁹, отрыв теории от практики²¹⁰. В диссертациях даётся положительная оценка в этой дискуссии роли икапистов, то есть Митина и его соратников.

Такие тексты легитимировали положение Митина и его сторонников уже после смерти Сталина, но ещё до разоблачения культа личности, то есть в тот период, когда авторитет Сталина в философии уже был подвергнут сомнению. Однако за этим не последовало сомнения в академическом положении сталинистов от философии, сделавших свою карьеру на продвижении культа личности в философском пространстве, утверждении фигуры Сталина как главного философа. За сдвигом в концептуальной рамке не последовало сдвига в социальном положении философов, работавших на сталинскую философскую ортодоксию.

В 1960-1970-е годы оценка дискуссий 1920-х годов претерпела изменения, которые в то же время нельзя назвать радикальным разрывом. Дискуссии 1920-х годов оцениваются авторами в митинской ретроспективе разработки ленинского философского наследия²¹¹, которая не была концептуальным имманентным двигателем ни первой, ни второй дискуссий.

²⁰⁷ Чудинов Э. Разгром Коммунистической партией Советского Союза механицизма и меньшевистствующего идеализма в философии и его историческое значение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1955. С. 5; Шендрик Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920-1932 годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1955. С. 11.

²⁰⁸ Чудинов Э. Разгром Коммунистической партией Советского Союза механицизма и меньшевистствующего идеализма в философии и его историческое значение. С. 6; Шишкин Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920-1932 годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1955. С. 6.

²⁰⁹ Шендрик Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920-1932 годы). С. 15; Шишкин Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920-1932 годы). С. 14.

²¹⁰ Шишкин Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920-1932 годы). С. 8.

²¹¹ Суворов Л. Роль философских дискуссий 20-х – 30-х гг. в борьбе за ленинизм против механицизма, формалистических и идеалистических ошибок в философии. М.: Издательство Московского университета, 1969. С. 3; Ксенофонтов В. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов (дискуссия «диалектиков» с механистами). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975. С. 5

В этих текстах ожидаемо негативно оценивается роль Сталина²¹², однако о деборинцах до сих пор пишут в терминах «меньшевистствующего идеализма» и «формалистического уклона»²¹³, а самоназвание группы диалектиков берётся в кавычки²¹⁴. Авторы перечисляют «заблуждения» и «прегрешения» деборинцев наряду с «правильными» моментами в их философских построениях и критике механистов и «буржуазных» концепций. Характерные примеры сглаживающего подхода, в котором уже не может быть трескучей ругани в духе 1930-х, но и оценки деборинских идей как безошибочных и ортодоксальных, даны в следующих высказываниях: «В этой и других работах А. М. Деборина [предисловие Деборина к первому тому сочинений Гегеля – М. М.] того времени содержались ошибки фейербахианского и гегельянского толка, вызвавшие резкую критику, в которой, однако, наряду с правильными замечаниями было много преувеличений, излишне заостренных формулировок и т. д.»²¹⁵, «Хотя в целом работы А. М. Деборина... сыграли положительную роль, они не были свободны от ряда недостатков»²¹⁶.

Прошлое ортодоксии оказывается под сомнением лишь отчасти, и приведённые тексты о дискуссиях 1920-х годов – один из признаков такого положения дел. В послесталинской ортодоксии не происходит радикального разрыва с ортодоксией 1930-1950-х годов. Тема критики деборинцев перестала входить в учебники, то есть в ядро ортодоксии, но произошедшие изменения можно оценивать только как корректировку, а не переопределение философского поля. Это касается одновременно концептуального и социального плана: Деборин в 1960-е не освобождён от клейма

²¹² Алексеев П. Ленинская идея союза философии и естествознания и борьба за ее осуществление в СССР (начало 30-х годов) // Философские науки. 1964. № 2. С. 21; Суворов Л. Роль философских дискуссий 20-х – 30-х гг. в борьбе за ленинизм против механицизма, формалистических и идеалистических ошибок в философии. С. 28.

²¹³ Алексеев П. Ленинская идея союза философии и естествознания и борьба за ее осуществление в СССР (начало 30-х годов) // Философские науки. 1964. № 2. С. 20, 22; Алексеев П. Дискуссия с механистами по проблеме взаимосвязи философии и естествознания (вторая половина 20-х годов) // Вопросы философии. 1966. № 4. С. 50, 54; Суворов Л. Роль философских дискуссий 20-х – 30-х гг. в борьбе за ленинизм против механицизма, формалистических и идеалистических ошибок в философии. С. 3.

²¹⁴ Ксенофонтов В. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов (дискуссия «диалектиков» с механистами). С. 5.

²¹⁵ Там же. С. 88.

²¹⁶ Косичев А. Философская наука в Московском университете за 50 лет советской власти // Философские науки. 1967. № 1. С. 120.

«меньшевиствующего идеалиста» и стеснён в своей публикационной деятельности, а Митин до 1967 года занимает пост главного редактора ведущего, но уже не единственного философского журнала «Вопросы философии».

Претерпели корректировку и другие положения ортодоксии. Примечательно, что положение о классовом характере философии и его конкретизация, что марксизм-ленинизм – инструмент классовой борьбы пролетариата, сохранились до самого позднего советского времени. В учебнике 1987 года роль философии для дела революции излагается в более спокойных тонах, чем в 1930-е годы: «...социально классовое назначение [философии – М. М.] – быть орудием освобождения от эксплуатации и созидания коммунистического общества...»²¹⁷. В публикациях 1930-1940-х философия была не «орудием», а идейным или теоретическим «оружием» революционной борьбы, что сохранилось и в 1960-е годы²¹⁸. В учебниках 1947 и 1953 годов²¹⁹ значению положений марксистской теории для партии рабочего класса и их применению посвящены специальные разделы. Так, например, закон перехода количественных изменений в качественные связывается с ускорением развития лёгкой и пищевой промышленности ради роста благосостояния народа²²⁰ или обосновывает переход к политике ликвидации кулачества как класса в 1929 году²²¹. Постепенно, начиная с 1960-х годов такая связь философии и государственно-партийных задач лишается своей непосредственности.

Пожалуй, самый заметный отказ, который произошёл в ортодоксии, – уже упомянутое смещение Сталина с позиции главного философа, исключение его трудов из канона философской литературы. После того как в «Кратком

²¹⁷ Алексеев П., Панин А. Диалектический материализм (общие теоретические принципы). М.: Высшая школа, 1987. С. 29.

²¹⁸ Например: Митин М. Сталин и материалистическая диалектика // Под знаменем марксизма. 1933. № 6. С. 23; Основы марксистской философии / Под ред. Ф. В. Константинова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962. С. 31.

²¹⁹ Ссылки на этот учебник приводятся по изданию 1954 года.

²²⁰ Диалектический материализм / Под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. С. 192.

²²¹ Леонов М. Очерк диалектического материализма. С. 264.

курсе...» была опубликована часть четвёртой главы «О диалектическом и историческом материализме», учебники, написанные в сталинский период, строились как комментарий к четырём чертам диалектики – в отличие от более ранних, написанных до появления четвёртой главы.

Место трёх законов диалектики заняли четыре её черты. Леонов, автор учебника 1947 года, обосновывал реформирование положений диалектического материализма (например, отказ от закона отрицания отрицания) «теоретическим обобщением борьбы партии против... врагов большевизма»²²², которое совершил Сталин. В 1960-е годы произошёл возврат от заменивших «устаревшую» терминологию «классических сталинских формулировок» к трём законам диалектики в формулировках, идущих от Энгельса, которые начали транслироваться ещё в учебнике 1934 года.

Любопытно, что в 1960-е произошёл аналогичный отказ от закона отрицания отрицания, но уже не с просталинских позиций. В 1966 году была опубликована в качестве книги «Материя в её единстве, бесконечности и развитии» диссертация С. Мелюхина. Автор пишет, что закон отрицания отрицания не является всеобщим и что сама его формулировка не удовлетворительна²²³. Мелюхин строит свою аргументацию на основе данных естественных наук. Его критические замечания по поводу закона отрицания отрицания звучат откровенно иронично: «Как, например, камень, планета, звезда могут отрицать себя?»²²⁴, «Например, жизнь человека отрицается смертью. Но что будет следующим отрицанием? Воскресение из мертвых?»²²⁵. Такую критику можно рассматривать как ставку на реформу ортодоксии, которая оказалась удачной для автора. В год защиты диссертации он был приглашён из Ленинграда в Москву для заведования кафедрой философии естественных факультетов философского факультета МГУ, а через девять лет

²²² Леонов М. Вопросы марксистской диалектики в трудах И. В. Сталина. М.: Издательство «Правда», 1949. С. 8.

²²³ Мелюхин С. Материя в её единстве, бесконечности и развитии. М.: Издательство «Мысль», 1966. С. 312-314.

²²⁴ Там же. С. 313.

²²⁵ Там же. С. 314.

стал заведующим кафедрой диалектического материализма и деканом факультета.

Случай Мелюхина интересен тем, что его можно рассматривать как удачную попытку реформы ортодоксии диалектического материализма. Если попытку Ильенкова нельзя оценить однозначно: хотя его тексты вошли в учебный оборот, сам он был лишён возможности транслировать свои методы и результаты философской работы в образовательном процессе, то у Мелюхина было намного больше возможностей формировать повестку дня в учебном курсе диалектического материализма в силу его позиции в академической иерархии в Московском университете. Реформа Мелюхина – это реформа с позиции признанного философа, который до приглашения в Москву заведовал кафедрой пусть и периферийного в философском отношении Ленинградского электротехнического института. Перевод в Москву – повышение академического статуса – подтвердил, что ставка на «натурфилософский» подход с опорой на физическую науку сыграла: Мелюхин получил признание со стороны других участников философского поля. Впоследствии высокий академический статус профессора, а затем члена-корреспондента Академии наук делал многочисленные критические замечания и даже обвинения в «ревизионизме»²²⁶ в адрес Мелюхина не опасной для его позиции²²⁷. В этом смысле критика Мелюхина Орловым²²⁸ осталась на бумаге.

Не имели карьерных последствий и устные дискуссии, которые велись на философском факультете МГУ. По словам нынешнего декана В. В. Миронова, дискуссия «нелицеприятно велась, но очень корректно, я помню такие обвинения, когда Юрий Александрович Петров говорил про Мелюхина: “Вы воинствующий метафизик!”, а тот ему говорил: “Вы анархистствующий методолог!”. И всё это не выходило на уровень обид каких-то, это

²²⁶ Миронов В. Серафим Тимофеевич Мелюхин – учитель, наставник, человек / Мелюхин С. Избранные труды: наследие и современность. В 3 т. Т. 1. Воспоминания. М.: издатель Савин С. А., 2010. С. 173.

²²⁷ Интервью автора с В. В. Мироновым, март 2016 г.

²²⁸ Орлов В. К вопросу о философском понятии материи // Философские науки. 1970. № 4. С. 126-131; Орлов В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. 1974. № 5. С. 47-48, 52.

действительно были внутренние дискуссии очень высокого плана»²²⁹. Если в 1930-е годы подобные обвинения в зависимости от того, кто их предъявлял, были расстрельными, в 1950-е – влекли партийные взыскания и увольнения, то в 1970-1980-е для участников дискуссии такие обвинения уступали по значимости человеческим отношениям²³⁰. Однако несмотря на то, что обвинения перестали иметь практический эффект, ортодоксия диалектического материализма если и была пересмотрена, то совсем не значительно.

Плавность изменений в ортодоксии, за исключением выведения текстов Сталина из канона, отчасти можно объяснить тем, что до 1970-х годов учебники писали авторы, получившие признание ещё в сталинский период: их биографическая траектория была ровной и восходящей и, скорее всего, не содержала в себе предпосылок для радикального преобразования ортодоксии. Таковы были траектории Леонова, Александрова, Константинова. В 1940-1950-е годы авторы учебников также писали тексты об идеологии и пропаганде, «великой силе ленинских / сталинских идей», «философствующих оруженосцах американской реакции». С другой стороны, отход от рассмотрения марксизма как непосредственного оружия классовой борьбы у следующего поколения авторов учебников можно рассматривать как относительную автономизацию диалектического материализма от политики.

Возможность изменений в диалектическом материализме – отдельная проблема. Диалектический материализм как философская дисциплина уже его учредителями позиционировался как завершённая доктрина, вершина прогресса мировой философской мысли, что явно прослеживается у Деборина, у Ленина²³¹ в их критике «юнизма». Отсутствие радикальных изменений в ортодоксии диалектического материализма, которые вошли бы в учебники, ставит в тупик того, кто захотел бы на их материале обосновать

²²⁹ Интервью автора с В. В. Мироновым, март 2016 г.

²³⁰ Там же.

²³¹ Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 18. М.: Издательство политической литературы, 1968. С. 46, 108-109, 120, 130.

декларируемый творческий характер²³² советского диалектического материализма. Сталинская версия диалектического материализма – последняя, в которой канон классиков был расширен. В дальнейшем триада классиков Маркса, Энгельса и Ленина оставалась в каноне неизменной. После смерти Сталина трон главного философа остался принципиально вакантен, и уже не было той силы, которая могла бы политически решить, на чьей стороне философская истина.

²³² Ленин В. Наша программа / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1967. С. 184.

Заключение.

Проведённая работа показала, что методология П. Бурдые, использованная в анализе советского диалектического материализма как философской дисциплины позволяет прояснить аспекты, на которых не акцентируется внимание при историко-философском подходе, при анализе концепций авторов без биографического анализа и включения произведённых текстов и их авторов в поле философии, и позволяет построить объяснительную модель функционирования советского философского поля, адекватную самому исследуемому материалу, на основе уточнённого понятия поля науки.

Применение такой методологии позволило показать, как за счёт привлечения внешних ресурсов на рубеже 1920-1930-х годов разными участниками дискуссий в диалектическом материализме установилась ортодоксия, как была создана позиция главного философа и как, таким образом, была подорвана автономия советского философского пространства, которая прослеживалась на начальном этапе дискуссии диалектиков и механистов.

Было показано, какие изменения происходили в ортодоксальной версии диалектического материализма: как закреплялись результаты философских дискуссий в 1930-1940-е годы, как изменялся канон литературы и положения о связи политики и философии в послевоенной философии, какие были построены версии генеалогии диалектического материализма; предложены вероятные объяснения этих изменений.

Были проанализированы попытки реформы ортодоксии в послевоенный период с разных позиций по отношению к ортодоксии и те ресурсы, которые использовали участники философского поля с 1900-х по 1970-е года: административные (издательские, партийные и другие), историко-философские, естественно-научные. Было показано, что использование тех или иных ресурсов в значительной степени определялось биографической траекторией, типом профессионализации и соответствовали тем ставкам в борьбе, которые делали философы.

Вместе с тем работа представляется ограниченной, поскольку многие сюжеты остались за рамками исследования, как то: концептуальный вклад механистов в ортодоксию диалектического материализма, соотношение диалектического материализма как составной части ядра марксистско-ленинской философии с другими философскими дисциплинами, появление системного подхода и его роль для диалектико-материалистических разработок, различия и напряжения между диалектическим материализмом и философскими проблемами естествознания, институциональное сравнение версий диалектического материализма в философских центрах: Институте философии АН и на философском факультете МГУ.

Список литературы:

1. Абрам Моисеевич Деборин (1881-1963) / сост., вступ. ст. С. Н. Корсаков. М.: Наука, 2013.
2. Алексеев П. Дискуссия с механистами по проблеме взаимосвязи философии и естествознания // Вопросы философии. 1966. № 4.
3. Алексеев П. Ленинская идея союза философии и естествознания и борьба за ее осуществление в СССР (начало 30-х годов) // Философские науки. 1964. № 2.
4. Алексеев П., Панин А. Диалектический материализм (общие теоретические принципы). М.: Высшая школа, 1987.
5. Бикбов А. Грамматика порядка: Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
6. Бикбов А. Как нужно изучать российскую и советскую философию, чтобы не умереть от скуки? // Финиковый компот. 2015. № 9.
7. Бурдые П. Биографическая иллюзия // Интер. 2002. № 1.
8. Бурдые П. Дело науки. Как социальная история социальных наук может служить их прогрессу / Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. перевода, сост. Н. А. Шматко. Спб.: Алетейя, 2014.
9. Бурдые П. О символической власти / Социология социального пространства: пер. с фр. / отв. ред. перевода Н. А. Шматко. Спб.: Алетейя, 2016.
10. Бурдые П. Объективировать объективирующего субъекта / Бурдые П. Начала. Choses dites: Пер с фр. Шматко Н. А. / М.: Socio-Logos, 1994.
11. Бурдые П. Поле науки / Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики / отв. ред. перевода, сост. Н. А. Шматко. Спб.: Алетейя, 2014.
12. Бурдые П. Политическая онтология Мартина Хайдеггера / Пер. с франц. А. Т. Бикбова, Т. В. Анисимовой. М.: Праксис, 2003.
13. Бурдые П. Университетская докса и творчество: против схоластических делений / Socio-Logos'96. Альманах Российско-французского центра

- социологических исследований Института социологии Российской Академии наук. М.: Socio-Logos, 1996.
14. Воспоминания академика А. М. Деборина (публикация С. Н. Корсакова) // Вопросы философии. 2009. № 2. С. 124.
 15. Выступление товарища Жданова А. А. // Вопросы философии. 1947. № 1.
 16. Деборин А. Введение в философию диалектического материализма. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012.
 17. Деборин А. Гегель и диалектический материализм / Деборин А. Философия и политика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
 18. Деборин А. Ленин как мыслитель. М.: Государственное издательство, 1929.
 19. Деборин А. Наши разногласия / Диалектика и естествознание. М., Л.: Государственное издательство, 1929.
 20. Деборин А. Предисловие / Деборин А. Диалектика и естествознание. М., Л.: Государственное издательство, 1929.
 21. Деборин А. Предмет философии и диалектики / Деборин А. Философия и политика. М.: Издательство Академии наук СССР, 1963.
 22. Деборин А. Энгельс и диалектическое понимание природы / Деборин А. Диалектика и естествознание. М., Л.: Государственное издательство, 1929.
 23. Деборин А. Диалектика в немецкой классической философии. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013.
 24. Диалектический и исторический материализм / Под общ. ред. А. П. Шептулина. М.: Политиздат, 1985.
 25. Диалектический и исторический материализм. В 2-х частях / Под руководством М. Митина. Часть 1. Диалектический материализм. М.: ОГИЗ СОЦЭКГИЗ, 1934.
 26. Митин М., Юдин П., Ральцевич В. О новых задачах марксистско-ленинской философии // Правда. 1930. 7 июня.

- 27.Диалектический материализм / Под общ. ред. Г. Ф. Александрова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1954.
- 28.Иллеш Е. Пропавшие тезисы / Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. – М.: Издательство «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2016.
- 29.Ильенков Э. Диалектика и мировоззрение / Ильенков Э. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991.
- 30.Ильенков Э. О положении с философией (Письмо в ЦК партии) / Эвальд Васильевич Ильенков / Э. В. Ильенков; [под ред. В. И. Толстых]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
- 31.Ильенков Э. Философская тетрадь / Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. – М.: Издательство «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2016.
- 32.Ильенков Э., Коровиков В. Реконструкция тезисов / Ильенков Э., Коровиков В. Страсти по тезисам о предмете философии (1954-1955) / Авт.-сост. Е. Иллеш. М.: Издательство «Канон +» РООИ «Реабилитация», 2016.
- 33.Ильенков Э. Диалектическая логика: Очерки истории и теории. М.: Политиздат, 1984.
- 34.Ильенков Э. Ленинская диалектика и метафизика позитивизма; Диалектика идеального / Сост. А. П. Поляков. М.: Мир философии, Дмитрий Сечин, 2015.
- 35.Интервью автора с В. В. Мироновым, март 2016 г.
- 36.Интервью автора с С. Н. Мареевым, октябрь 2015 г.
- 37.Интервью И. Т. Касавина с В. С. Стёпиным / Как это было: воспоминания и размышления / [под ред. В. А. Лекторского.] М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
- 38.История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией комиссии ЦК ВКП (б). М.: Издательство ЦК ВКП (б) «Правда», 1938.

- 39.Корсаков С. Иван Капитонович Луппол: ренессансный человек в тисках сталинского режима // Философский журнал. 2013. № 1.
- 40.Корсаков С. О первом проекте «Философской энциклопедии» // Философский журнал. 2010. № 2.
- 41.Корсаков С. Предисловие / Стэн Я. Статьи и выступления по философии / Сост. С. Н. Корсаков, М. В. Бахтин, предисл. С. Н. Корсакова. М.: Издательский дом «Энциклопедист-Максимум»; СПб.: Изд. дом «Мирь», 2015.
- 42.Косичев А. Философская наука в Московском университете за 50 лет советской власти // Философские науки. 1967. № 1.
- 43.Краткий философский словарь. Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. Л.: Политиздат при ЦК ВКП (б), 1940.
- 44.Ксенофонтов В. Ленинские идеи в советской философской науке 20-х годов (дискуссия «диалектиков» с механистами). Л.: Издательство Ленинградского университета, 1975.
- 45.Лекторский В. Воспоминания о Серафиме Тимофеевиче Мелюхине / Мелюхин С. Избранные труды: наследие и современность. В 3 т. Т. 1. Воспоминания. М.: издатель Савин С. А., 2010.
- 46.Ленин В. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 29. М.: Издательство политической литературы, 1969.
- 47.Ленин В. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 18. М.: Издательство политической литературы, 1968.
- 48.Ленин В. Наша программа / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 4. М.: Издательство политической литературы, 1967.
- 49.Ленин В. О значении воинствующего материализма / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 45. М.: Издательство политической литературы, 1970.

50. Ленин В. Три источника и три составных части марксизма / Ленин В. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 23. М.: Издательство политической литературы, 1973.
51. Леонов М. Вопросы марксистской диалектики в трудах И. В. Сталина. М.: Издательство «Правда», 1949.
52. Леонов М. Очерк диалектического материализма. М.: ОГИЗ, 1948.
53. Мареев С. Э. В. Ильенков: жить философией. М.: Академический проект; Трикста, 2015.
54. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология / Сочинения. В 50 т. Т. 3. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.
55. Марксистско-ленинская философия. Методические материалы для аспирантов и соискателей нефилософских специальностей. Отв. ред. М. А. Паранюк. Киев, 1979.
56. Межуев В. Эвальд Ильенков и конец в России классической марксистской философии / Эвальд Васильевич Ильенков в воспоминаниях. М.: РГГУ, 2004.
57. Мелюхин С. Материя в её единстве, бесконечности и развитии. М.: Издательство «Мысль», 1966.
58. Меньшикова М. Советские тексты в учебном обороте / Российское философское сообщество: история, современное состояние, перспективы развития. Материалы научной конференции 2-4 октября 2014 г. / Общая ред. В. В. Миронов, ред. и сост. А. П. Козырев, П. Н. Костылев, А. В. Никандров. М.: Издательство Московского университета, 2015.
59. Миронов В. Серафим Тимофеевич Мелюхин – учитель, наставник, человек / Мелюхин С. Избранные труды: наследие и современность. В 3 т. Т. 1. Воспоминания. М.: издатель Савин С. А., 2010.
60. Митин М. Сталин и материалистическая диалектика // Под знаменем марксизма. 1933. № 6.

61. Михайлов Ф. Он сам – целая школа / Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга-диалог). М., 1997.
62. Молодцов В. Об ошибках в понимании предмета диалектического материализма // Вопросы философии. 1956. № 1.
63. О журнале под «Знаменем марксизма» (Постановление ЦК ВКП (б) от 25 января 1931 года.) // Правда. 1931. 26 января. С. 1. (Опечатка в расстановке кавычек сохранена.)
64. О прошлом и настоящем. Беседа Л. Н. Митрохина с В. А. Лекторским / Как это было: воспоминания и размышления [под ред. В. А. Лекторского]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
65. О ругательном слове «гносеолог» и развитии науки под идеологическим давлением государства. Запись беседы с В. А. Лекторским. URL: <http://oralhistory.ru/talks/orh-1559> (дата обращения: 7 апреля 2016 г.).
66. Об итогах дискуссии и очередных задачах марксистско-ленинской философии. (Из резолюции общего собрания ячейки ИКП философии и естествознания) // Правда. 1931. 26 января.
67. Орлов В. К вопросу о философском понятии материи // Философские науки. 1970. № 4.
68. Орлов В. О некоторых вопросах теории материи, развития, сознания // Философские науки. 1974. № 5.
69. Основы марксистской философии / Под ред. Ф. В. Константинова. М.: Государственное издательство политической литературы, 1962.
70. Пуцаев Ю. Будущее советской философии. URL: <http://russ.ru/pole/Buduschee-sovetskoj-filosofii> (дата обращения: 7 апреля 2016 г.).
71. Речь т. Гусейнова Г. Н. // Вопросы философии. 1947. № 1.
72. Речь т. Светлова В. И. // Вопросы философии. 1947. № 1.
73. Речь т. Серебрякова М. В. // Вопросы философии. 1947. № 1.
74. Речь т. Каммари М. Д. // Вопросы философии. 1947. № 1.

75. Речь т. Молодцова В. С. // Вопросы философии. 1947. № 1.
76. Речь т. Эмдина М. В. // Вопросы философии. 1947. № 1.
77. Руткевич М. Диалектический материализм. Курс лекций для философских факультетов. М.: «Мысль», 1973.
78. Список литературы для философского самообразования, продиктованный Э. В. Ильенковым студенту философского факультета МГУ Шулевскому Н. Б. / Драма советской философии. Эвальд Васильевич Ильенков: (Книга-диалог). М., 1997.
79. Стэн Я. Об ошибках Гортера и тов. Степанова // Большевик. 1924. № 11.
80. Суворов Л. Роль философских дискуссий 20-х – 30-х гг. в борьбе за ленинизм против механицизма, формалистических и идеалистических ошибок в философии. М.: Издательство Московского университета, 1969.
81. Сулье Ш. Анатомия философского вкуса // Логос. 2004. № 3-4.
82. Федосеев П. Ленинизм и социальный прогресс человечества // Вопросы философии. 1980. № 4.
83. Чудинов Э. Разгром Коммунистической партией Советского Союза механицизма и меньшевистствующего идеализма в философии и его историческое значение. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1955.
84. Шендрик Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920-1932 годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1955.
85. Шишкин Н. Борьба Коммунистической партии Советского Союза против механицизма и меньшевистствующего идеализма (1920-1932 годы). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. М., 1955.

- 86.Энгельс Ф. Анти-Дюринг / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
- 87.Энгельс Ф. Диалектика природы / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. В 50 т. Т. 20. М.: Государственное издательство политической литературы, 1961.
- 88.Яхот И. Подавление философии в СССР (20-30-е годы) // Вопросы философии. 1991. №№ 9-11.
- 89.Bourdieu P. Méditations Pascaliennes. Seuil, 1997.
- 90.Marcuse H. Soviet Marxism. A Critical Analysis. New York: Columbia University Press, 1969.